

СОЧИНЕНИЯ А. ПУШКИНА.

I.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВЪСПЕДЩИХЪ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

МДСССХХХVIIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Апрѣля 3 дня 1837 года.

Ценсоръ Никитенко.

Александр Пушкинъ

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

Не мысль гордый светъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбл,
Хотьъ бы я тебя представить
Залоеъ достойныя тебл,
Достойныя души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмышленныхъ, полупегальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Бессонищъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увлеченныхъ мѣтъ,
Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ заметъ.

: : : **ОНЪГИНЪ.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ.

К. Владислѣвъ.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не вшутку занемогъ;
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдумать не могъ:
«Его примѣръ другимъ наука;
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,

Томъ I.

«Вздохать и думать про себя:
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Лети въ шлы на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онъгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня¹.

III.

Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнила.

Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній-садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *dandy*² Лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ пофранцузски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцевалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:

Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть.
 Онъгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, но педантъ:
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснуться до всего слегка,
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ неожиданныхъ эпиграмъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ зналъ довольно полатынѣ,
 Чтобъ эпитафьи разбирать,
 Потолковать объ Ювеналѣ,
 Въ концѣ письма поставить *vale*,
 Да помнить, хотъ не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха.
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли
 Бытописанія земли;
 Но дней минувшихъ анекдоты,

Отъ Ромула до нашихъ дней,
Храниль онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить;
Браниль Гомера, Феокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокий экономъ,
То есть, умѣль судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день

Его тоскующую лѣнь,
 Была наука страсти нѣжной,
 Которую воспѣлъ Назонъ,
 За что страдальцемъ кончилъ онъ
 Свой вѣкъ блестящій и мятежной
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,
 Вдали Италіи своей.

IX.

.....
 .....
 .....

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувѣрять, заставить вѣрить,
 Казаться мрачнымъ, изнывать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, или равнодушнымъ!
 Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
 Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
 Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,

Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блесталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новышъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ извительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,

Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.....
.....
.....

XV.

Бывало, онъ еще въ постель,
Къ нему записочки несутъ.
Что? приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно,
Вездѣ посиѣтъ немудрено.
Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ³,
Онъгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И такъ гуляетъ на просторѣ,

Пока недремлющій брегеть
 Не прозвонить ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно; въ санки онъ садится;
 « Поди! поди! » раздался крикъ;
 Морозной пылью серебритса
 Его бобровый воротникъ.
 Къ Talon ⁴ помчался: онъ увѣренъ,
 Что тамъ ужъ ждетъ его * * *;
 Вошелъ, и пробка въ потолокъ,
 Вина кометы брызнуль токъ,
 Предъ нимъ *rost-beef* окровавленный,
 И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ,
 Французской кухни лучший цвѣтъ,
 И Стразбурга широгъ нетлѣнный
 Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
 И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
 Залить горячій жиръ котлетъ;
 Но звонъ брегета ямъ доносить,
 Что новый начался балетъ.
 Театра алой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательныхъ актрисъ,

Почетный гражданинъ кулись,
 Онъгинъ полетѣлъ къ театру,
 Гдѣ каждый, критикой дыша,
 Готовъ охлопать *entreschat*,
 Обшарать Федру, Клеопатру,
 Мойну вызвать — для того,
 Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ, въ стары годы,
 Сатиры смѣлой властелинъ,
 Блесталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
 И переищивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновой дѣлалъ;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 Корнея геній величавой;
 Тамъ вывелъ козкій Шаховской
 Своихъ комедій шумный рой;
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
 Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулись,
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? гдѣ вы?
 Внемлите мой печальный гласъ:

Всѣ тѣ же ль вы? другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я звать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсь шумитъ.
Блестательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ эола;

То стань советъ, то разовьетъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ;
Идетъ межъ кресель по ногамъ;
Двойной лорнетъ скосясь наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся; потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и звѣнулъ
И молвилъ: «всѣхъ пора насмѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ»⁵.

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри

Вездѣ блистають фонари;
Еще прозябнувъ бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранять господъ и бьютъ въ ладони:
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ;
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изобразу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возить намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной,
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,

И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
 Духи въ граненомъ хрусталѣ;
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямые ножницы, кривыя,
 И щетки тридцати родовъ,
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный Гримъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
 Краснорѣчивымъ сумасбродомъ⁶?
 Защитникъ вольности и правъ
 Въ семъ случаѣ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человекомъ
 И думать о красѣ ногтей:
 Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
 Обычай деспотъ межъ людей.
 Второй * * *, мой Евгенийъ,
 Боясь ревнивыхъ осужденій,
 Въ своей одеждѣ былъ педантъ
 И то, что мы назвали франтъ.
 Онъ три часа по крайней мѣрѣ
 Предъ зеркалами проводилъ,
 И изъ уборной выходилъ
 Подобный вѣтреной Венерѣ,

Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бѣ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло:
Но панталоны, фракъ, жилетъ,
Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бѣ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметъ.
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ яиской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ

Веселый изливаютъ свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ площадками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ,
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подвѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопоть модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ бадовъ безъ ума:

Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.

О вы, почтенные супруги!

Вамъ предложу свои услуги;

Прошу мою замѣтить рѣчь:

Я васъ хочу предостеречь.

Вы также, маменьки, построже

За дочерьми смотрите вслѣдъ,

Держите прямо свой лорнетъ;

Не то . . . не то, избави, Боже!

Я это потому пишу,

Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы

Я много жизни погубилъ!

Но если бъ не страдали нравы,

Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.

Люблю я бѣшеную младость,

И тѣсноту, и блескъ, и радость,

И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ;

Люблю ихъ ножки: только врядъ

Найдете вы въ Россіи цѣлой

Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.

Ахъ, долго я забыть не могъ

Двѣ ножки! . . . Грустный, охладѣлой,

Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Валелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы и похвалъ,
И край отцевъ и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Вдечетъ условною красой

Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугуна каминна,
На зеркальномъ паркете залъ,
У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моеи
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ,
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моеи!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ

Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипятъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своею:
Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неутомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ аккуратный,

Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *vasisda*съ.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спать въ тѣни' блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгений,
Свободный, въ цвѣтъ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслаждений?
Вотще ли былъ онъ средь шировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ

Beef-steaks и Страсбургскій шпротъ
 Шампанской обливать бутылкой
 И сыпать острыя слова,
 Когда болѣла голова;
 И хотъ онъ былъ новѣса пылкой,
 Но разлюбилъ онъ наконецъ
 И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный Англійскому сланту,
 Короче: Русская хандра
 Имъ овладѣла понемногу;
 Онъ застрѣлится, слава Богу,
 Попробовать не захотѣлъ,
 Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ;
 Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.....
 .....

XII.

Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Неспособный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жъ онъ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинъ ?

XIII.

И вы, красотки молодая,
Которыхъ поздною порой
Уносятъ дрожки удалыя
По Петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгеній.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онъгнѣвъ дома заперся,
Зъванъ за перо взялся,
Хотѣлъ писать: но трудъ упорный

Ему былъ тошень; ничего
 Не вышло изъ пера его,
 И не попалъ онъ въ цехъ задорный
 Людей, о коихъ не сужу,
 Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлю,
 Томясь душевной пустотой,
 Усылся ринъ съ похвальной цѣлю
 Себѣ присвоить умъ чужой;
 Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
 Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
 Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
 Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
 На всѣхъ различныя вериги;
 И устарѣла старина,
 И старыи бредить повизна.
 Какъ женщина, онъ оставилъ книги,
 И полку, съ пыльной ихъ семьей,
 Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
 Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
 Съ нимъ подружился я въ то время.
 Мнѣ нравились его черты,
 Мечтамъ невольная преданность,
 Неподрожательная странность

И рѣзкій, охлажденный умъ.
 Я былъ озлобленъ, онъ утрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Тонла жизнь обоихъ насъ;
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
 Обоихъ ожидала злоба
 Слѣпой фортуны и людей
 На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жнль и мысль, тотъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто чувствовалъ, того тревожитъ
 Призракъ невозвратимыхъ дней:
 Тому ужъ нѣтъ очарованій,
 Того змѣя воспоминаній,
 Того раскаянье грызетъ.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онѣгина языкъ
 Меня смущалъ; но я привыкъ
 Къ его извительному спору,
 И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
 И злости мрачныхъ эпиграмъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
 Когда прозрачно и свѣтло

Ночное небо надъ Невою ⁸,
 И водъ веселое стекло
 Не отражаетъ ликъ Діаны,
 Воспомни прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспомни прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!
 Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
 Перенесенъ колодникъ сонной,
 Такъ уносился мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душею, полной сожалѣній,
 И опершись на гранитъ,
 Стоялъ задумчиво Евгений,
 Какъ описалъ себя Питтъ ⁹.
 Все было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые,
 Да дροжекъ отдаленный стукъ
 Съ Мильонной раздавался вдругъ;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей рѣкѣ,
 И насъ плѣняли вдалекѣ
 Рожекъ и пѣсня удалая.

Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавы!

XLIX.

Адріатическія волны!
О Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашу волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи влатой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціанкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ ¹⁰, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?

Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей ¹¹,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

II.

Онъгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онъгинымъ собрался
Займодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди старика.

III.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,

Что дядя при смерти въ постелѣ
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣ звалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

III.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Пошты и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,

И очень радъ, что прежній путь
 Пережънѣлъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
 Уединенныя поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,
 Журчанье тихаго ручья;
 На третій, роща, холмъ и поле
 Его не занимали болѣ,
 Потомъ ужъ наводили сонъ;
 Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
 Что и въ деревнѣ скука таже,
 Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
 Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
 Хандра ждала его на стражѣ,
 И бѣгала за нимъ она,
 Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучѣе голосъ лирной,
 Живѣе творческіе сны.
 Досугамъ посвящаться невиннымъ,
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И *far niente* мой законъ.

Я' каждыиъ утромъ пробужденъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши
Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгиньимъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ,
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты
Любви мечтательной друзья.

Бывало, милые предметы
 Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
 И дѣву горь, мой идеаль,
 И пльнищъ береговъ Салгира.
 Теперь отъ васъ, мои друзья,
 Вопросъ нерѣдко слышу я:
 «О комъ твоя вздыхаетъ лира?
 «Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 «Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
 «Умильной лаской наградишь
 «Твое задумчивое пѣнье?
 «Кого твой стихъ боготворилъ?»
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поззія священнѣй бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,

Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не всыхнетъ.
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покажѣсть моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.

Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Рус!

Ис.

О Рус!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ, уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя

Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строятся должны:
Отменно проченъ и спокоенъ,
Во вкусъ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофныя обои,
Портреты дѣдовъ на стѣпахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мужъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.

Онѣгнѣ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмага года:
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ нынѣ книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгений
Порядокъ новый учредить,
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ:
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надѣлся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца

Обыкновенно подавали
 Ему Донскаго жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышать ихъ домашни дроги:
 Поступкомъ оскорблясь такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
 «Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
 «Стаканомъ красное вино;
 «Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 «Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ
 «Иль нѣтъ-съ.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,
 И столь же строгому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
 По имени Владиміръ Ленской,
 Съ душою прямо Геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,

Всегда восторженную рѣчь
И кудри черные до плечь.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣнили юный умъ.
Онъ забавлялъ меткою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука

Разбить сосудъ клеветника;
 Что есть избранные судьбою . . .

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

IX.

Негодование, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтъ;
 Подъ небомъ Шиллера и Гете,
 Ихъ поэтическимъ огнемъ
 Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдился:
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь его была ясна,

Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ доно тишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынь, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оцѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумной
О свѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитіа искусствомъ;

Но разговоръ ихъ шелькъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богать, хорошь собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда.
Взойдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай;
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару:
И зашищать она (Богъ мой!):
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой! ..

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онъгининъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свестъ.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.

Сперва взаимной разнотою
Они другъ другу были скучны;
Потомъ поправились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди, первый каюсь я,
Отъ *дьяволь-исаго* друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предвзсудки жстреби,
Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и сѣбно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгеній;
Хоть онъ людей, конечно, зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,

И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онъгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покаивъсть онъ живетъ,
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло:
Пламень минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ суждений
Читалъ забывшись между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгений,

Хоть ихъ немного понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятужной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы:
Смиренные не безъ труда,

Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прѣданный
Къ рассказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ жизни своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость,
Она готова разболтать.
Въ любви считаюсь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя.
Свою доврчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами рассказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна

Везумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная нечаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственныиъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою павненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочимъ вѣнцы
Друзья-сосѣди, жкъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнью смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенной,

Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;
И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ роши полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тьмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду. . . .
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,

Все въ Ольгѣ. . . . . но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна¹³. . . . .
Впервые именемъ такимъ
Страницы вѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль двичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,

Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бѣ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея извѣженныя пальцы
Не знали иглы; склонясь на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
Къ приличію, закону свѣта,

И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные рассказы
Зимою въ темнотѣ ночей
Шлибли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ:

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.

Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый поживаетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда:
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,

Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла ¹⁴;
Но встарину Княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ оиъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсвѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.

Привычка свѣше намъ дана:
Замѣна счастью она ¹⁵.

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло настать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солла на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Руской Н, какъ N Французскій,
Произносить умѣла въ носъ;

Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватъ плафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ей затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатъ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходить время: между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они крайни въ жизни мирной
Привычки милой старины;

У нихъ на масленицѣ жирной
Водились Русскіе блины.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Имъ квасъ какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріямъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женою,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,

*Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ каменемъ силъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владимиръ Ленскій посвятилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пещу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
« *Roog-Yogisk* ¹⁶! молвилъ онъ уныло,
« Онъ на рукахъ меня держалъ;
« Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
« Его Очаковской медалью!
« Онъ Ольгу прочелъ за меня,
« Онъ говорилъ: дождусь ли дня? . . . »
И, полный искренней печалью,
Владимиръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной. . . .
Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, врѣютъ и падаютъ;

Другія ншъ вослѣдъ йдутъ...
 Такъ наше вѣтреное племя
 Растеть, волнуется, кипить
 И къ гробу правдѣдовъ тѣснить.
 Придетъ, придетъ и наше время,
 И наши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вытѣснятъ и насъ:

XXXIX.

Покажѣсть ушѣвайтеся ею,
 Сей легкой жизнью, друзья!
 Ея ничтожность разумѣю,
 И мало къ ней привязанъ я;
 Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
 Но отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда:
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было бѣ грустно міръ оставить.
 Живу, пишу не для похвалъ;
 Но я бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій свой прославить,
 Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онѣ сердце тронетъ;
 И сохраненная судьбой,

Быть можетъ, въ Леть не потонеть
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то былъ поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Elle était fille, elle était amoureuse.

MALBILATON.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»

— Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора. —

«Я не держу тебя; но гдѣ ты

Свой проводишь вечера?»

— У Лариныхъ. — «Вотъ это чудно.

Помилуй! и тебѣ не трудно

Такъ каждый вечеръ убивать?»

— Ни мало. — «Не могу понять.

Отсебѣ вижу, что такое:

Вопервыхъ, слушай, правъ ли я?

Простая, Русская семья,

Къ гостямъ усердіе большое,»

Варенье, вѣчный разговоръ
 Про дождь, про лень, про скотный дворъ...

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу. —
 «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
 — Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
 Милѣ мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу . . . . — «Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну чтожь? ты ѣдешь: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленскій, да нельзя ль
 Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
 Предметъ и мыслей, и пера,
 И слезъ, и рифмъ et cetera?
 Представь мени.» — Ты шутишь. — «Нѣту.»
 — Я радъ. — «Когда же?» — Хоть сейчасъ.
 Онъ съ охотой примутъ насъ.

III.

Поѣдемъ. —

Поскакали други,
 Явились; ины расточены
 Порой тяжелыя услуги
 Гостепріимной старины.
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несутъ на блюдечкахъ варенья,

На столикъ ставятъ воцаной
Кувшинъ съ брусничною водою.

.....
.....
.....
.....
.....

IV.

Они дорогой самой краткой
Доной летятъ во весь опоръ.¹⁷
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.

— Ну что жъ, Онѣгинь? ты зѣваешь. —

«Привычка, Ленскій.» — Но скучаешь

Ты какъ-то больше. — «Нѣтъ, равно.

Однако въ полѣ ужъ темно,

Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андриушка!

Какія глушыя мѣста!

А, кстати: Ларина проста,

Но очень милая старушка;

Боюсь: брусничная вода

Мнѣ не надѣлала бъ вреда.

V.

Скажи, которая Татьяна?»

— Да та, которая, грустна

И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна. —
«Не ужь-то ты влюбленъ въ меньшую?»
—А что? — «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.»
Владимиръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатанье,
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колець не достали.

О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадою
Невольно думала о томъ;
И въ сердце дума заронила;
Пора пришла, она влюбилась:
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Старая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала ... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердить о немъ. Докучны ей

И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный прїѣздъ
И продолжительный прїѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юлія Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И неподобный Грандисонъ ¹⁸,
Который намъ наводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онъгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,

Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродить:
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и, себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя. . . . .
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда несправедливо гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части

Всегда наказанъ былъ поро́къ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ.
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ²⁹.
Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ

Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ наобразу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Рускаго сечеиства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца или дяди старика,
Дѣтей условленные втрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью;

Ты въ руки моднаго тираша
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тбя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искустель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглахъ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.

Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— Что, Таня, что съ тобой? — «Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло..... — «Разкажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,

А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Благословилъ меня отецъ:
 Я горько плакала со страха;
 Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
 И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
 Да ты не слушаешь меня... —
 «Ахъ, няня, няня, я тоскую,
 Мнѣ тошно, милая моя:
 Я плакать, я рыдать готова!...»
 — Дитя мое, ты нездорова;
 Господь, помилуй и спаси!
 Чего ты хочешь, попроси...
 Дай окроплю святой водою,
 Ты вся горишь.. — «Я не больна;
 Я... знаешь, няня, ... влюблена.»
 — Дитя мое, Господь съ тобою! —
 И няня дѣвушку съ мольбой
 Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена,» шептала снова
 Старушкѣ съ горестью она.

— Сердечный другъ, ты невдорова. —

« Оставь меня: я влюблена. »

И между тѣмъ луна сіяла
И темныи свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенныя власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ дѣлной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну . . .
Вдругъ мысль въ умъ ея родилась . . .
« Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвини; я скоро лягу;
Прости. » И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгений на умъ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.

Письмо готово, сложено . . .

Татьяна! для кого жь оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,

Холодныхъ, чистыхъ какъ зима,

Неумолимыхъ, неподкупныхъ,

Непостижимыхъ для ума;

Дивился я ихъ спѣси модной,

Ихъ добродѣтели природной,

И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,

И, мнится, съ ужасомъ читалъ

Надъ ихъ бровями надпись ада:

Оставь надежду навсегда ²⁰.

Внушать любовь для нихъ бѣда,

Пугать людей для нихъ отрада.

Быть можетъ, на берегахъ Невы

Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ

Другихъ причудницъ я видалъ,

Самолюбиво - равнодушныхъ

Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.

И что жь нашелъ я съ изумленьемъ?

Онъ, суровымъ поведенъемъ

Пугая робкую любовь,

Ее привлечь умѣли вновь
По крайней мѣрѣ сожалѣньемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнымъ.
И съ легковѣрнымъ ослабленьемъ
Опять любовникъ полодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то ль, что любить безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живою,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно;
Татьяна любить нешутя

И предается безусловно
Любви, какъ малое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ свѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе колышемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она поруски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ.
На языкъ своемъ родномъ,
И такъ писала пофранцузски . . .
Что дѣлать! повторяю вновь:
Доннынѣ дамская любовь,
Не изъяснилася поруски,

Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотѣть заставить
Читать поруски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ ²¹ въ рукахъ!
Я плююсь на васъ, мои поэты,
Не правда ль: мнѣе предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Рускимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при развѣдѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Руской рѣчи не люблю.

Быть можетъ, на бѣду мою,
 Красавицъ новыхъ поколѣнье,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ грамматикѣ пріучить насъ;
 Стихи введутъ въ употребленье:
 Но я . . . . какое дѣло мнѣ?
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
 Неточный выговоръ рѣчей
 Попрежнему сердечный трепетъ
 Произведутъ въ груди моей;
 Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
 Мнѣ галицизмы будутъ милы,
 Какъ прошлой юности грѣхи,
 Какъ Богдановича стихи.
 Но полно. Мнѣ пора заняться
 Письмомъ красавицы моей;
 Я слово далъ, и что жъ? ей-ей
 Теперь готовъ ужъ отказать.
 Я знаю: нѣжнаго Парни
 Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной²²,
 Когда бъ еще ты былъ со мной,

Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтобъ на волшебныя напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменные слова.

Гдѣ ты? приди: свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ . . . .
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ подъ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу.
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онъгину.

« Я къ вамъ нишу — чего же боль?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храни,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорить, вы нелюдишь;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно,
А мы . . . ничѣмъ мы не блещимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бѣ васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.

Души неопытной волненья
Смиривъ современемъ (какъ знать?),
Посердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

« Другой! . . . Нѣтъ, никому на свѣтъ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтъ . . .
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба, ты хранитель мой . . .
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твоей голосъ раздавался
Давно . . . нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднѣшь помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?»

И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной тьмѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное . . . .
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю . . .
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

« Кончаю! странно перечестъ . . .
Стыдомъ и страхомъ замираю . . .

Но мнѣ порукой была честь,
И смѣло ей себя ввѣрю . . . »

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожить въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главою,
И на письмо не назираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипьевна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.

— Пора, дитя мое, вставай:
 Да ты, красавица, готова!
 О птичка ранняя моя!
 Вечоръ ужъ какъ боялась я!
 Да, слава Богу, ты здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣтъ,
 Лице твое какъ маковъ цвѣтъ. —

XXXIV.

« Ахъ! няня, сдѣлай одолженье . . . »
 — Изволь, родная, прикажи! —
 « Не думай . . . право . . . подозрѣнье . . .
 Но видишь . . . ахъ! не откажи. »
 — Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука. —
 « И такъ пошли тихонько внука
 Съ запиской этой къ О . . . . къ тому . . .
 Къ сосѣду . . . да велѣть ему,
 Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чтобъ онъ не называлъ меня . . . »
 — Кому-же, милая моя?
 Я нынче стала безтолкова.
 Кругомъ сосѣдей много есть:
 Куда мнѣ ихъ и перечестъ. —

XXXV.

« Какъ недогадлива ты, няня! »
 — Сердечной другъ, ужъ я стара,

Стара; тупѣть разумъ, Таня;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской воли... —
 «Ахъ, няня, няня! до того ли?
 Что нужды мнѣ въ твоёмъ умѣ?
 Ты видишь, дѣло о письмѣ...
 Къ Онѣгину.» — Ну дѣло, дѣло.
 Не гнѣвайся, душа моя, ...
 Ты знаешь, непонятна я...
 Да что жъ ты снова поблѣднѣла? —
 «Такъ, няня, право ничего.
 Пошли же внука своего.»

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
 Другой насталь: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
 Татьяна ждётъ: когда жъ отвѣтъ?
 Пріѣхаль Олыгинъ обожатель.
 «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
 Ему вопросъ хозяйки былъ:
 «Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
 Татьяна вспыхнувъ задрожала.
 — Сегодня бытъ онъ обѣщаль, —
 Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
 — Да видно почта задержала. —

Татьяна потушила взоръ,
 Какъ будто слыша алой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столъ блистая
 Шипѣлъ вечерній самоваръ,
 Китайскій чайникъ нагрѣвая;
 Подъ нимъ клубился легкій паръ.
 Разлитый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною струею
 Уже душистый чай бѣжалъ,
 И сливки мальчикъ подавалъ;
 Татьяна предъ окномъ стояла,
 На стекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа,
 Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На отуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель *O да E.*

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней была,
 И слезъ было полною томный взоръ.
 Вдругъ топотъ! . . . кровь ея застыла.
 Вотъ ближе! скачутъ . . . и на дворъ
 Евгений. «Ахъ!» и легче тѣни
 Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
 Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;

Летить, летить; взглянуть назадъ
 Не смѣть; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,
 Кусты сирень переломала,
 По цвѣтникамъ летя къ ручью,
 И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!
 О Боже! что подумалъ онъ!»
 Въ ней сердце, полное мученій,
 Хранить надежды темный сонъ;
 Она дрожитъ и жаромъ пышитъ,
 И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышитъ.
 Въ саду служанки на грядкахъ
 Сбирали ягоды въ кустахъ
 И хоромъ понаказу пѣли
 (Наказъ, основанный на томъ,
 Чтобъ барской ягоды тайкомъ
 Уста лукавыя не ѣли,
 И пѣньемъ были заняты:
 Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня двѣушекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,

Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишенъемъ,
Вишенъемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.

XL.

Онѣ поють, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланитъ пыланье
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланитъ,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,

И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадкаго стрѣлака.

XII.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла: но только повернула
Въ аллею; прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоитъ подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена
Остановилась она.
Но свидѣнія нежданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature de choses.

Наскна.

I. II. III. IV. V. VI. 23

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ,
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ бывало хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ:
Ловласовъ обветшала слава

Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно?
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно?
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У двочки въ тринадцать лѣтъ?
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей?

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгенийъ.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ навремя очарованъ,
Разочарованный другимъ,

Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Звѣоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утрата жизни лучшей цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнять — радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На вистъ вечерній приважаетъ,
Садится; кончилась игра,
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Опѣгивъ живо тронуть былъ:

Языкъ дѣвическихъ мечтаній
 Въ немъ думы роємъ возмутилъ;
 И вспомнилъ онъ Татьяны милой
 И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
 И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
 Душею погрузился онъ.
 Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
 Имъ на минуту овладѣлъ;
 Но обмануть онъ не хотѣлъ
 Довѣрчивость души невинной.
 Теперь мы въ садъ перелетимъ,
 Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
 Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
 И молвилъ: « Вы ко мнѣ писали,
 Не отпирайтесь. Я прочелъ
 Души довѣрчивой признанья,
 Любви невинной изліянья;
 Мнѣ ваша искренность мила;
 Она въ волненье привела
 Давно умолкнувшія чувства;
 Но васъ хвалить я не хочу;
 Я за нее вамъ отплачу
 Признашемъ также безъ искусства;

Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

« Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ ;
Когда бь мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бь семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То вѣрно бь кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестоковъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бь васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ . . . сколько могъ!

XIV.

« Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе не достоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,

Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
 Начнете плакать: ваши слезы
 Не тронуть сердца моего,
 А будутъ лишь бѣсить его.
 Судите жъ вы, какія розы
 Намъ заготовить Гименей
 И, можетъ быть, на много дней!

XV.

« Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
 Семьи, гдѣ бѣдная жена
 Груститъ о недостойномъ мужѣ
 И днемъ и вечеромъ одна;
 Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
 (Судьбу однако жъ проклиная),
 Всегда нахмурень, молчаливъ,
 Сердить и холодно-ревнивъ!
 Таковъ я. И того ль искали
 Вы чистой, пламенной душой,
 Когда съ такою простотой,
 Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
 Ужели жребій вамъ такой
 Назначень строгою судьбой?

XVI.

« Мечтаю и годамъ нѣтъ возврата;
 Не обновлю души моей. . .

Я васъ люблю любовью брата
 И, можетъ быть, еще нѣжливѣй.
 Послушайте жь меня безъ гнѣва:
 Смигнуть неразъ младая дѣва
 Мечтами легкія мечты:
 Такъ деревцо свои листы
 Мѣняетъ съ каждою весною.
 Такъ видно Небомъ суждено.
 Полюбите вы снова: но...
 Учитесь властвовать собою,
 Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
 Къ бѣдѣ неопытность ведетъ. »

XVII.

Какъ проповѣдывалъ Евгеній.
 Сквозь слезы не видя ничего,
 Едва дыша, безъ возраженій,
 Татьяна слушала его.
 Онъ подавъ руку ей. Печально
 (Какъ говорится, *машинально*)
 Татьяна молча оперлась;
 Головкой томною склонясь,
 Пошла домой вкругъ огорода;
 Явились вмѣстѣ, и никто
 Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
 Имѣетъ сельская свобода

Свои счастливыя права,
 Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
 Что очень мило поступилъ
 Съ печальной Таней нашъ пріятель;
 Не въ первый разъ онъ тутъ имѣлъ
 Души прямое благородство,
 Хотя людей недоброхотство
 Въ немъ не щадило ничего.
 Враги его, друзья его
 (Что, можетъ быть, одно и то же)
 Его честили такъ и сикъ.
 Враговъ имѣть въ мѣрѣ всякъ:
 Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
 Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
 Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я услышалъ
 Пустыя, черныя мечты;
 Я только въ слобкѣ замѣчаю,
 Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
 На чердакъ вралень рожденной
 И свѣтской чернью ободренной,
 Что нѣтъ нелѣпицы такой,

Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затый,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ . . . какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать именно родные.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по ночтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они . . .
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:

Надъ нею и ,среди бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своеправіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмгъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!

Предметъ достойный: ничего
Любезный вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственныи покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна, увядасть;
Блѣднѣть, гаснетъ и молчить!
Ничто ея не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей! . . .

Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владимиръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двос;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью уноенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цаловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Оль
Нравоучительный романъ,

Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;
А между тѣмъ двѣ - три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ покрашивъ:
Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Лепскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занять Ольгою своею;
Летучіе листки альбома
Прилѣжно украшаетъ ей;
То въ нихъ рисуется сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка,
Перомъ, и красками легка;
То на листкахъ воспоминанья,
Повиже поднеси другихъ,
Онъ оставляетъ вѣжнѣй стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья.

Мгновенной думы легкой слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно вы не разъ видали
Увздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.

На первомъ листикѣ встрѣчаешь :

Qu'écritez vous sur ces tablettes;

И подпишъ: *t. à v. Annette;*

А на послѣднемъ прочитаешь :

«Кто любитъ больше тебя,

«Пусть пишетъ дальше меня.»

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете

Два сердца, факель и цвѣтки;

Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете

Въ любви до гробовой доски;

Какойнибудь *пѣнь* армейской

Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.

Въ такой альбомъ, мои друзья,

Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не стануть важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ, я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстаго кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in - quarto подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эниграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомъ Ольги молодой;

Его перо любовью дышитъ,
 Не хладно блещетъ остротой;
 Что ни замѣтитъ, ни услышитъ,
 Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
 И полны истины живой
 Текуть элегій рѣкой.
 Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего,
 Посышь, Богъ вѣдаетъ, кого,
 И сводъ элегій драгоценный
 Представить нѣкогда тебѣ
 Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышнннъ? Критикъ строгой
 Повелѣваетъ сбросить намъ
 Элегіи вѣлокъ убогой;
 И нашей братьѣ, рифмачамъ,
 Кричитъ: «Да перестаньте плакать,
 •И все одно и то же квакать,
 •Жалѣть о прежнемъ; о бывшемъ:
 •Довольно, — пойте о другомъ!»
 — Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
 Трубу, личину и кинжалъ,
 И мыслей мертвый капиталъ
 Отвсюду воскресить прикажешь:

Не такъ ли, другъ? — Ничуть. Куда!

«Пишите оды, госнода,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощныя годы,

«Какъ было встарь заведено. . . .»

— Одиѣ торжественныя оды!

И, полно, другъ, не все ль равно?

Припомни, что сказала сатирикъ!

Чужаго толка хитрый мирикъ

Ужели для тебя сноснѣй

Унылыхъ нашихъ рифматей? —

«Но все въ элегіи неуможно;

Пустая цѣль ея жалка;

Межъ тѣмъ цѣль оды висока

И благородна. . . .» Тутъ бы можно

Поспорить намъ, но я молчу:

Два вѣка ссорить не хоту.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,

Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,

Владиміръ и писалъ бы оды,

Да Ольга не читала ихъ.

Случалось ли поэтамъ слезнымъ

Читать въ глаза своимъ любезнымъ

Свои творенья! Говорять,

Что въ мірѣ выше нѣтъ наградъ.
 И впрямь, блаженъ любовникъ скромной,
 Читающій мечты свои
 Предмету пѣсень и любви,
 Красавицѣ пріятно - томной!
 Блаженъ . . . хсть, можетъ быть, она
 Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
 И гармоническихъ затѣй
 Читаю только старой нянѣ,
 Подругѣ юности-моей;
 Да послѣ скучнаго обѣда
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
 Поймавъ нежданно за полу,
 Душу трагедіей въ углу,
 Или (но это кромѣ шутокъ),
 Тоской и рифмами томимъ,
 Вродя надъ озеромъ моимъ,
 Пугаю стадо дикихъ утокъ:
 Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
 Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI²⁴. XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
 Терпѣнья вашего прошу:

Его всеневныи занятя
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражал,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе вышивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцалуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизньъ Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XI.

Но наше сѣверное лѣто,
 Карриатура южныхъ зимъ,
 Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
 Хотъ мы признаться не хотимъ.
 Ужъ небо осенью дышало,
 Ужъ рѣже солнышко блистало,
 Короче становился день,
 Лѣсовъ таинственная сѣнь
 Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
 Ложился на поля туманъ,
 Гусей крикливыхъ караванъ
 Тянулся къ югу: приближалась
 Довольно скучная пора;
 Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XII.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
 На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
 Съ своей волчиною голодной
 Выходить на дорогу волкъ;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпитъ — и путникъ осторожный
 Несется въ гору во весь духъ;
 На утренней зарѣ пастухъ
 Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
 И въ часъ полуденный въ кружокъ
 Ихъ не зоветъ его рожокъ;

Въ избушкѣ расплывая, дѣва ²⁵
 Придетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
 Трещать лучинка передъ, ней.

XII.

И вотъ уже трещать морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждетъ ужъ рифмы розы:
 На, вотъ возьми ее скорѣй!)
 Опрятнѣй моднаго паркета,
 Блестятъ рѣчка, льдомъ одѣта.
 Мальчишекъ радостной народъ ²⁶
 Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
 На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
 Задумавъ ныль по лону водъ,
 Ступаетъ бережно на лёдъ,
 Скользитъ и падаетъ; веселый
 Мелькаетъ, встаетъ первый снѣгъ,
 Звѣздами падая на брегъ.

XIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучаетъ взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхомъ въ степи суровой?
 Но конь, притупленной подковой
 Невѣрный зацѣпляя лёдъ,

Того и жди, что упадетъ.
 Сиди подъ кровлею пустынной,
 Читай; вотъ Прадтъ, вотъ W. Scott!
 Не хочешь? Повѣрай расходъ,
 Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
 Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожъ,
 И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онъгинъ Чильдъ-Гарольдомъ
 Вдался въ задумчивую лѣнь:
 Со сна садится въ ванну со льдомъ;
 И послѣ, дома цѣлый день,
 Одинъ, въ расчеты погруженный,
 Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдъ въ два шара
 Играетъ съ самаго утра.
 Настанетъ вечеръ деревенскій:
 Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
 Передъ каминомъ столъ накрытъ,
 Евгенийъ ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
 На тройкѣ чалыхъ лошадей:
 Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Кликко или Моэта
 Благословенное вино

Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
 На столъ тотчасъ принесено.
 Оно сверкаетъ Ипокреной²⁷;
 Оно своей игрой и пѣной
 (Подобіемъ того - сего)
 Мени пѣвило: за него.
 Послѣдній бѣдный легтъ, бывало,
 Давалъ я, помните ль, друзья?
 Его волшебная струя
 Раждала глупостей немало,
 А сколько шутокъ, и стиховъ,
 И споровъ, и веселья сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
 Оно желудку моему,
 И я бордо благоразумной
 Ужъ нынче предпочель ему.
 Къ *ai* и больше неспособень;
Ai любовницѣ подобень
 Блестящей, вѣтреной, живой,
 И своенравной, и пустой...
 Но ты, бордо, подобень другу,
 Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
 Товарищъ всегда, вездѣ,
 Готовъ намъ оказать услугу,
 Иль тихой раздѣлитъ досугъ.
 Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
 Подернуть уголь золотой;
 Едва замѣтною струею
 Віется паръ, и теплотой
 Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
 Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
 Еще шипитъ среди стола.
 Вечерняя находитъ мгла...
 (Люблю я дружескія враки
 И дружескій бокаль вина
 Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я.)
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣзвая твоя?»
 — Налей еще мнѣ полстакана...
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяться велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣла
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!... Когда нибудь
 Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:

Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ . . . какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣль званъ. —

XLIX.

«Я?» — Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олинька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не прѣзжать. —
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду . . .»
— И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
Ну что жъ? — «Согласенъ.» — Какъ ты милъ!
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый, срокъ:
И тайна брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.

Гимена хлопоты, печали,
 Звоты хладная чреда
 Ему не снились никогда.
 Межь тѣмъ — какъ мы, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ
 Рядъ утомительныхъ картинъ,
 Романъ во вкусъ Лафонтена...²⁸
 Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
 Кто, хладный умъ утомивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
 Или, нѣжный, какъ мотылекъ,
 Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
 Но жало къ тотъ, кто все предвидитъ,
 Чья не кружится голова,
 Кто всѣ движенья, всѣ слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
 Чье сердце опытъ остудилъ
 И забывается запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай, снѣгъ страннѣе ономъ,
Ты, моя Свѣтлана!

Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго надворѣ;
Зимы ждала - ждала природа;
Снѣгъ вышалъ только въ январѣ
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко усталыя горы

Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима . . . Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нябудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удамая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жужку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно . . .

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ

И всѣ отбѣнки зимнихъ нѣтъ ²⁹:
Онъ васъ пѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покаместъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой ³⁰!

IV.

Татьяна (Руская душою,
Сама не зная почему),
Съ ея холодною красою
Любила Рускую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и варею поздной
Сянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
Постаринѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,

И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали чтонибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогой ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падающая звезда
По небу темному летѣла
И разсыпалася: тогда
Въ смятеніи Таня торопилася,
Пока звезда еще катилася,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случилось гдѣнибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей:
Не зная, что начать со страха,

Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасъ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчю склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаеть вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Тягъна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ:
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полного водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей

Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
 « Тамъ мужики-то все богаты!
 « Гребутъ лопатой серебро;
 « Кому поемъ, тому добро
 « И слава! » Но сулить утраты
 Сей пѣсни жалостной напѣвъ;
 Милый кошурка сердцу дѣвъ ³¹.

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
 Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течетъ такъ тихо, такъ согласно . . .
 Татьяна на широкій дворъ
 Въ открытомъ платьѣцѣ выходитъ,
 На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожитъ печальная луна . . .
 Чу . . . снѣгъ хруститъ . . . прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
 И голосокъ ея звучитъ
 Нѣжный свирѣльнаго напѣва:
 Какъ ваше имя ³²? Смотритъ онъ
 И отвѣчаетъ: Агаеонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
 Сбираясь ночью ворожить,

Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вѣется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумятъ, клубить волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,

Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна рошчетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна: *ахъ!* а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она скрѣпясь
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливymi шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшнѣй ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя вапитъ медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;

Отягчены ихъ вѣтви все
Клоками снѣга; склоны вершины
Осины, березы и липы нагихъ
Сяетъ луть свѣтъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыклой поколѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Защипеть вдругъ, то изъ ушей
Златые серги вырветъ силой;
То въ кружокъ снѣгъ съ ножки милой
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ; онъ все вослѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;

Она безчувственно-покорна;
 Не шевелится, не дохнетъ;
 Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
 Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
 Кругомъ все глушь; отсюда онъ
 Пустыннымъ слѣгомъ занесѣнъ;
 И ярко свѣтится окошко,
 И въ шалашъ и крикъ, и шумъ;
 Медвѣдь промолвилъ: *здесь мой кумъ:*
Погрѣйся у него немножко!
 И въ сѣни прямо онъ идетъ,
 И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
 Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
 За дверью крикъ и звонъ стакана,
 Какъ на большихъ похоронахъ;
 Не видя тутъ ни капли толку,
 Глядитъ она тихонько въ щелку,
 И что же! видитъ . . . за столомъ
 Сидятъ чудовища кругомъ:
 Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
 Другой съ пѣтушьей головой,
 Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
 Тутъ оставъ чопорный и гордой,

Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница вприсядку пляшетъ
И крыльями трещить и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ! ³³
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто миль и страшенъ ей —
Героя нашего романа!
Онѣгдѣ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онѣ знакъ подастъ, и всѣ хлопчутъ;
Онѣ шеть, всѣ шють и всѣ кричатъ;
Онѣ засмѣется, всѣ хохочутъ;
Нахмуритъ брови, всѣ молчатъ;
Онѣ тамъ хозяинъ: это ясно.
И Таня ужъ не такъ ужасно,
И любопытная, теперь

Немного растворила дверь...
 Вдругъ вѣтеръ дунуль, заганая
 Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
 Смутилась шайка домовыхъ;
 Онъгинъ, взорами сверкая,
 Изъ-за стола гремя встаетъ;
 Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
 Татьяна слится бѣжать:
 Нельзя никакъ; нетерпѣливо
 Метаясь, хочетъ закричать:
 Не можетъ; дверь толкнулъ Евгенийъ:
 И взорамъ адскихъ привидѣній
 Явилась дѣва; ярый смѣхъ
 Раздался дико; очи всѣхъ,
 Копыта, хоботы кривые,
 Хвосты хохлатые, клыки,
 Усы, кровавы языки,
 Рога и пальцы костяные,
 Все указываетъ на нее,
 И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгенийъ грозно,
 И шайка вся сокрылась вдругъ;

Осталася во тьмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинь тихо увлекаетъ ³⁴
Татьяну въ уголь, и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинь руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились; нестершимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасъ проснулась...
Глядитъ, ужъ въ комнату свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;

«Ну,» говоритъ: «скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирала,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ:
Но ни *Виргилій*, ни *Расинъ*,
Ни *Скоттъ*, ни *Байронъ*, ни *Сенека*,
Ни даже *Дамскихъ Модъ Журналъ*
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, *Мартынь Задека* ²⁵,
Глава *Халдейскихъ мудрецовъ*,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для *Татьяны* наконецъ
Его съ *разрозненной Мальвиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу ввѣвъ еще за шихъ

Собранье басенъ шюцадныхъ,
 Граматику, двѣ Петріады,
 Да Мармонтеля третій томъ.
 Мартынъ Задека сталь, потомъ
 Любимецъ Тани. . . Онъ отрады
 Во всѣхъ печалехъ ей дарить,
 И безотлучно съ нею ситить.

XXIV.

Ее тревожить оновѣдѣнье.
 Не зная, какъ его понять,
 Мечтанья страшнаго значенье
 Татьяна хочетъ отыскать.
 Татьяна въ оглавленьи краткомъ
 Находитъ азбучнымъ порядкомъ
 Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
 Ежъ, иракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
 И прочая. Ея сомнѣній
 Мартынъ Задека не рѣшитъ;
 Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
 Печальныя много приключеній.
 Дней нѣсколько она потомъ
 Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ³⁶
 Заря отъ утреннихъ долинъ

Выводитъ съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ именинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
 Въ передней толкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
 Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохотъ, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
 Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета сѣдая,
 Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Уздный франтикъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁷
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной Совѣтникъ Фляновъ,

Тяжелый сплетникъ, старый шутъ,
Обжора, ванточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острикъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсень альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто *belle Nina* —
Поставилъ *belle Tatiana*.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.

Какая радость: будетъ балъ!
 Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ ^{зв.}
 Но кушать подали. Четой
 Идутъ за столъ рука съ рукой.
 Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
 Мужчины противъ: и крестясь
 Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

Намигъ умолкли разговоры;
 Уста жууютъ. Со всѣхъ сторонъ
 Гремятъ тарелки и приборы,
 Да рюмокъ раздается звонъ.
 Но вскорѣ гости понемногу
 Подъемяютъ общую тревогу;
 Никто не слушаетъ, кричатъ,
 Смѣются, спорятъ и пищатъ.
 Вдругъ двери настежь. Ленскій входитъ
 И съ нимъ Онѣгінъ. «Ахъ, Творецъ!»
 Кричатъ хозяйка: «наконецъ!»
 Тѣснятся гости; всѣкъ отводятъ
 Приборы, стулья носкорѣй;
 Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаетъ прямо противъ Тани,
 И, утренней луны блѣднѣй.

И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстнѣй жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть:
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишею
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги - нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгений:
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакомъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы темной
Замѣтивъ трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Появляя Лещскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,

Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Каррикутуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгений
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлю взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленной);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ талин твоей,
Звизн, кристаллъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый флякъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,

Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хотъ великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодарить.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло; то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жадость:
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Быль чудно-нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронуть быль,
Иль онъ кокетствуя шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли;
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валить:

Такъ пчель изъ лакомага улья
На ниву шумный рой летить;
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку:
Дѣвицы шепчуть въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста переменяли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ брегеть;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,

Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII³⁹. XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки ваялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залъ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружишькъ горошковъ,
Подходить къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспылькъ лѣтъ,
Береть Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буйновъ Пустыкову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XI.

Въ началъ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбама
Балъ Петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминашемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.

По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогахъ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихоръ жизни молодой,
Кружится вальса вихоръ шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближансь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходить къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стуль ея сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
Спустя минутъ двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,

Въ огромной залѣ все дрожало,
Шаркетъ трещалъ подь каблукомъ,
Тряслся, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблукы, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII⁴⁰. XLIV.

Бунновъ, братецъ мой задорной,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою: проворно
Онѣгинь съ Ольгою пошелъ;
Ведеть ее, скользи небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и зашмыгалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ

моэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онъгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтреньй ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снести удара;
Проказы женскія кланя,
Выходить, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшать судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*La notte giorni sublimi e brevi
Nasce una gente a cui l'incanto non è solo*

Papa.

I.

Замѣтивъ, что Владимиръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Оленька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьи. Всѣмъ нуженъ

Покойный сонъ. Онъгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Бунновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объаты сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Оварена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданымъ появленьемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожить
Ее ревнивая тоска,

Какъ будто кладная рука
 Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
 Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
 « Погибну, » Таня говоритъ:
 « Но гибель отъ него любезна.
 « Я не ропщу: ачѣмъ роптать?
 « Не можетъ онъ мнѣ счастья дать. »

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
 Лице насъ новое зоветъ.
 Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
 Деревни Ленскаго, живеть
 И здравствуетъ еще донинѣ,
 Въ философической пустынѣ,
 Зарѣцкій, нѣкогда бунинъ,
 Картежной шайки атаманъ,
 Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
 Теперь же добрый и простой
 Отецъ семейства холостой,
 Надежный другъ, помѣщикъ мирный
 И даже честный человекъ:
 Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ злую храбрость выхвалятъ.

Онъ, правда, въ тузь изъ пистолета
Въ пяти саженьхъ попадалъ.
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго сваясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнь драгой залогъ!
Новѣйшій Регуль, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Верн ⁴¹
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль изподтишка,
Хоть и ему иные штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,

Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить:
Веселой шуткою, враньемъ;
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходить съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукъ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгений,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его суждений,
И здравый толкъ о томъ - о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; и такъ немало
Поутру не былъ удивленъ,

Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онъгину, ослабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онъгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородной,
Короткій вызовъ, иль *картель*:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онъгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долъ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ: но Евгений
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: въ разборъ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,

Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вѣчоръ небрежно.
А во вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится: въ осмнадцать лѣтъ
Оно простиительно. Евгенийъ,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. « Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ, онъ мыслить, въ это дѣло
Вышла старъ дуэлисть;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчисть...
Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопоть, хохотня глушцовъ... »
И вотъ общественное мнѣнье! ⁴²

Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ, на чемъ вертится мѣръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Прѣхать завтра до разсвѣта,
Взавести другъ на друга курокъ
И вѣтвить въ ляжку или въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напоследокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Оленьку смутить,

Своимъ прѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинъка съ крыльца,
Подобна вѣтренной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылся?»
Былъ первый Олинъкинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностию взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой, рѣзвою душой!
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленъѣ;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаянъемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,

Владимиръ не имѣеть силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслить: «буду ей спаситель;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилей стебелекъ;
Чтобы двухутренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытый.»
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ страшаюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгенийъ
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онъгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно;

Одна бы няня знать могла,
Да не догадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь;
Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось
Она глядитъ ему въ лицо.
«Что съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой прѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
Съ неизъяснимою красой

Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владиміръ книгу закрываетъ,
 Беретъ перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Д^{••} пьяный на перу.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
 Я ихъ имѣю; вотъ они:
 «Куда, куда вы удалились,
 «Весны моей златые дни?
 «Что день грядущій мнѣ гдѣ готовитъ?
 «Его мой взоръ напрасно ловить,
 «Въ глубокой мглѣ таится онъ.
 «Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 «Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 «Иль мимо пролетитъ она,
 «Все благо: бдѣнія и сна
 «Приходитъ часъ опредѣленный;
 «Благословенъ и день заботъ,
 «Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
 «И заиграетъ яркій день;

«А я, быть можетъ, и гробницы
«Сойду въ таинственную сѣнь,
«И память юнаго поэта
«Поглотить медленная Лета,
«Забудеть мѣръ меня; но ты
«Придешь ли, дѣва красоты!
«Слезу пролить надъ ранней урной
«И думать: онъ меня любилъ,
«Онъ мнѣ единой посвятилъ
«Разсвѣтъ печальный жлани бурной!...
«Сердечный другъ, желанный другъ,
«Приди, приди: я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вло*
(Что романтизмомъ мы зовѣмъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ *идеалъ*
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвной входитъ кабинетъ
И будить Ленскаго воззваньемъ:

«Пора вставать: седьмой ужь часъ.
«Онъгинъ вѣрно ждетъ ужь насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Вesperъ пѣтухомъ;
Онъгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная метель
Блеститъ и вѣетъ; но постель
Еще Евгенийъ не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣлье.
Слѣшитъ Онъгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой

Взять также широкъ боевой.
 Готовы санки бѣговые.
 Онъ слы, на мельницу летитъ.
 Примчались. Онъ слугъ велитъ
Ленаха ⁴³ стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отъѣхать въ поле къ двумъ дубамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
 Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
 « Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
 Зарѣцкій, « гдѣ вашъ секундантъ? »
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ изъ чувства,
 И человека растянуть
 Онъ позволялъ, не какъ нибудь,
 Но въ строгахъ правилахъ искусства,
 По всѣмъ преданьямъ старины
 (Что похвалятъ мы въ немъ должны).

XXVII.

« Мой секундантъ? » сказалъ Евгений:
 « Вотъ онъ: мой другъ, monsieur Guillot.

Я не предвижу возраженій

На представленіе мое:

Хоть человекъ онъ неавѣстный,

Но ужь конечно малый честный.»

Зарѣцкій губу закусилъ.

Онѣгинъ Ленскаго спросилъ?

«Что жь, начинать?» — Начнемъ, пожалуй,

Сказалъ Владиміръ. И пошли

За мельницу. Пока въ дали

Зарѣцкій нашъ и честный малый

Вступили въ важный договоръ,

Враги стоятъ, потуши взоръ.

XXVIII

Враги! Давно ли другъ отъ друга

Ихъ жажда крови отвела?

Давно ль они часы досуга,

Трапезу, мысли и дѣла

Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,

Врагамъ наследственнымъ подобно,

Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,

Они другъ другу въ тишинѣ

Готовятъ гибель хладнокровно...

Не засмѣются ль имъ, пока

Не обагрилась ихъ рука,

Не разойтятся ль полюбовно? . . . .

Но дико свѣтская вражда
Бойтся ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполь молотокъ.
Въ граненый стволъ уходитъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣрвовой
На полку сыщется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отвѣрнулъ съ точностью отвѣнной,
Друзей развелъ по крайній сѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолеть.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,

Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолеть тогда Евгений,

Не преставав наступать,
 Сталь первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступилъ,
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Сталь также цѣлнтъ — но какъ разъ
 Онъгинъ выстрѣлилъ... Пробили
 Часы урочные: поэтъ
 Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку:
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облить,
 Онъгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
 Глядитъ, доветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашелъ безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
 Увялъ на утренней зарѣ!...
 Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
 Былъ томный миръ его чела.

Подъ грудь онъ былъ навълетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семь сердецъ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домъ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрѣты ставни; окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть; пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпитафией
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ,
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;

Но отослать его къ отцамъ
Едва ль пріятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенеетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что жъ? убитъ,» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ! . . . Симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онъгитъ съ содроганьемъ
Отходить и людей зоветъ.

Зарѣцкій бережно кладеть
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везеть онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, крапятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочать удила,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рождень;

Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять мгла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ; унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не доучится гимнъ времени,
Благословенія племень.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ

Скончался бѣ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убить пріятельскою рукой!
Есть мѣсто: вѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любить отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья въ тѣни густой
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на знакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
Поетъ про Волжскихъ рыбаей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провожая,
Когда стремглавъ верхомъ она

Несется по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ останавливаетъ,
 Ременный поводъ натянувъ,
 И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
 Глазами бѣглыми читаетъ
 Простую надпись, и слеза
 Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
 Въ мечтанье погружась, она;
 Душа въ ней долго поневолѣ
 Судьбою Ленскаго полна;
 И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
 Въ ней сердце долго ли страдало,
 Иль скоро слезъ прошла пора?
 И гдѣ теперь ея сестра?
 И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
 Красавицъ модныхъ модный врагъ,
 Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
 Убійца юнаго поэта?»
 Со временемъ отчетъ и вамъ
 Подробно обо всемъ отдамъ;

XLIII.

Но не теперь. Хоть и сердечно
 Люблю героя моего,

Хоть возвращусь къ нему конечно;
Но мнѣ теперь не до него.

Лѣта къ суровой прозѣ клонять,

Лѣта шалуною рифму гонять,

И я, со вздохомъ признаюсь,

За ней лѣнивѣй волочусь.

Перу старинной нѣтъ охоты

Марать летучіе листы;

Другія, хладныя мечты,

Другія, строгія заботы

И въ шумѣ свѣта и въ тиши

Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,

Позналъ я нозую печаль;

Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,

А старой мнѣ печали жаль.

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?

Гдѣ, вѣчная къ ней рифма, *младость?*

Ужель и впряду, наконецъ,

Увнѣль, увнѣль ея вѣнецъ?

Ужель и впрямъ, и въ самомъ дѣлѣ,

Безъ элегическихъ затѣй,

Весна моихъ промчалась дней

(Что я шутя твердилъ досель)?

И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель миѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Миѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милая мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я наслаждался... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,

Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, мыше друзья!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россія дочь любви,
Гдѣ разгуль тебя сыскать?

ДЖИТРИКЪ.

Какъ не любить родной Москвы?

ВАРАТЫМСКИЙ.

Гонимы на Москву! что плачуть видѣть свѣтъ!
Гдѣ жь лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ,

Григорьевъ.

I.

Гонимы вѣшними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже свѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачныя, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;

Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое лвленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умилениемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живить,
Все, что ликуеть и блестить,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радунсь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,

Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепеть сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ. . . .

IV.

Вотъ время: добрые лѣнцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливы,
Вы, школы Левшина ⁴⁴ птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной,

Оставьте градъ неутомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музою своденравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ . . . .
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясъ, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ видѣнъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
« Владимиръ Ленскій здѣсь лежитъ,
« Погибшій рано смертью смѣлыхъ,

« Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.

« Покойся, юноша-поэтъ! »

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,

Бывало, ранній вѣтерокъ

Надъ этой урною смиренной

Качалъ таинственный вѣнокъ;

Бывало, въ поздніе досуги

Сюда ходили двѣ подруги,

И на могила, при лунѣ,

Обнявшись плакали онѣ.

Но нынѣ... памятникъ унылой

Забытъ. Къ нему привычный сѣдъ

Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;

Одниъ подъ нимъ сѣдой и хилой

Пастухъ попрежнему поетъ,

И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій! Изнывая,

Недолго плакала она.

Увы! невѣста молодая

Своей печали невѣрна.

Другой увлекъ ея вниманье,

Другой усиль ея страданье

Любовной лестью усыпить,

Уланъ умѣлъ ея пѣнить,
Уланъ любимъ ея душою . . . .
И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтаремъ,
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потушенныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій, за могилкой
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой?
Или надъ Летою усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрыть и нѣмъ? . . . .
Такъ, равнодушное забвеніе
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣніе
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.

Уланъ, своей невольникъ доли,
Быль долженъ ъхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все прощаясь суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ . . . .
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга стальныхъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотритъ въ опустѣлый садъ . . . .
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ

Она подавленными слезами,
И сердце рвется наполамь.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онъгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего.
Поэтъ погибъ . . . . но ужъ его
Никто не помнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась:
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ . . . . начто грустить? . . . .

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жужъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ
Луны при свѣтѣ серебристомъ
Въ свои мечты погружена,

Татьяна долго шла одна;
Шла, шла... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:

«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ? . . . .

Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ . . . .

Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»

И вотъ съ холма Татьяна сходитъ

Едва дыша; крутомъ обводитъ

Недоумѣнья полный взоръ . . . .

И входитъ на пустынный дворъ.

Къ ней лая кинулись собаки.

На крикъ испуганный ея

Ребятъ дворовая семья

Сбѣжалась шумно. Не безъ драки

Мальчишки разгоняли псовъ,

Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ нельзяли?»

Спросила Таня. Поскорѣй

Къ Анисѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На ситтомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далъ;
Старушка ей: « а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленской, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ. . . .
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной бывало въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть извоилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,

А косточкамъ его покой
Въ могилаѣ, въ мать-земля сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долину. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой

Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ навремя все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся мѣръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенья разлюбилъ,

Однакожь нѣсколько твореній
Онъ изъ оцалы исключилъ:
Пѣвца Глура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный чловѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствии пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей:
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,

То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасной,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ? . . .
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждуть ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя.»

Старушка молвила крехти.
 « Вѣдь Олинъка ея моложе.
 Пристроятъ дѣвушку ей-ей
 Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
 Всѣмъ наотрѣзъ одно и то же:
 Нейду. И все груститъ она,
 Да бродятъ по лѣсамъ одна.»

XXVI.

« Не влюблена ль она? » — Въ кого же?
 Бужновъ сватался — отказъ.
 Ивану Пѣтушкову — то же.
 Гусарь Пыхтинъ гостилъ у насъ;
 Ужъ какъ онъ Танюю прельщался,
 Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: поидеть авось;
 Куда! и снова дѣло врозь. —
 « Что жъ, матушка, зачѣмъ же стало?
 Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ.»
 — Охъ, мой отецъ! доходу мало. —
 « Довольно для одной зимы;
 Не то ужъ дамъ хоть я взаймы.»

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совѣтъ разумный и благой;

Сочлась, и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зямой.
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ выскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды! . . .
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй . . .
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ
И умиленными очами
Ихъ озирая говорить:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ! . . .
Прости жъ и ты, моя свобода!

Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулить судьба моя?»

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмицъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своею.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовать спѣшитъ.
Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана . . . .
Вотъ съверъ тучи нагоняя
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вѣкругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравнила пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы

Проказамъ матушки анны.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ;
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣвъ, вновь обить, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, кѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачь:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячь.

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;

Горой кибитки нагружаютъ;

Бранятся бабы, кучера.

На клячѣ тощей и косматой

Сидитъ форрейторъ бородатой.

Сбѣжалась челядь у воротъ

Прощаться съ барами. И вотъ

Услысь, и возокъ почтенный

Скользя ползеть за ворота.

«Простите, мирныя мѣста!

«Прости, пріютъ уединенный!

«Увижу ль васъ? . . . .» И слезъ ручей

У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью

Отвинемъ болѣе границъ,

Современемъ (по расчисленью

Философическихъ таблицъ,

Лѣтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно

У насъ измѣнятся безмѣрно:

Шоссе Россію здѣсь и тутъ

Соединивъ пересѣкутъ;

Мосты чугунные чрезъ воды

Шагнуть широкою дугой;

Развинемъ горы; подъ водой

Пророемъ дерзостные своды,

И завѣдетъ крещеный мѣръ
 На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ⁴⁵,
 Мосты забытые гниютъ,
 На станціяхъ клопы да блохи
 Заснуть минуты не даютъ;
 Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
 Высокопарный, но голодной
 Для виду преискурантъ виситъ
 И тщетный дразнить аппетитъ,
 Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы
 Передъ медлительнымъ огнемъ
 Россійскимъ лечатъ молоткомъ
 Издѣлье легкое Европы,
 Благословляя колени
 И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
 Ъзда пріятна и легка.
 Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснь модной,
 Дорога зимняя гладка.
 Автомедоны наши бойки,
 Неутомимы наши тройки,
 И версты, тѣша праздный взоръ,

Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ ⁴⁶.
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ крестами золотыми,
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церковей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва . . . . какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слылось!
Какъ много въ немъ отзывалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своею дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онѣ

Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отсель, въ думу погруженьъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Вѣвѣютъ; вотъ' ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,

Бадконы, львы на воротахъ
И стая галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ — другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ прѣехали теперь.
Имъ настежь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой Калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!» — Pochette! — «Алина!»
— Кто бь могъ подумать? — «Какъ давно!»
— Надолго ль? — «Милая! Кузина!»
— Садись! какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа.... —
«А это дочь моя, Татьяна.»
— Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ;

Какъ будто брежу я во снѣ. . . .
 Кузина, помнишь Грандисона? —
 «Какъ, Грандисонъ? . . . . а, Грандисонъ!
 Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
 — Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
 Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
 Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ . . . . но послѣ все расскажемъ.
 Не правда ль? Всея ея роднѣ
 Мы Таню завтра же покажемъ.
 Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
 Едва - едва таскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги;
 Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть. . . .
 Охъ, силы нѣтъ . . . . устала грудь . . . .
 Мнѣ тяжела теперь и радость,
 Не только грусть. . . . душа моя,
 Ужъ никуда негодна я. . . .
 Подстарость жизнь такая гадость. . . . —
 И тутъ, совсѣмъ утомлена,
 Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
 Татьяну трогаютъ; но ей

Нехорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Неспится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издавеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брада! —
«А я такъ за уши драда.»
— А я такъ пряникомъ кормила! —

И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ невидно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же жжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семень Петровичъ также скупъ,
У Пелагьи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шищъ, и тотъ же мужъ;
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ѣсть и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младья граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что - то блѣдной и худой,

А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цалуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умъльно требуютъ онѣ.
Но Тани, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышать безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранитъ безмолвно междутѣмъ,
И ямъ не дѣлается ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:

Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
 Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
 Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
 Они клеветуютъ даже скучно;
 Въ безплодной сухости рѣчей,
 Распросовъ, сплетень и вѣстей,
 Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
 Хоть невзначай, хоть наобумъ;
 Не улыбнется томный умъ,
 Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
 И даже глупости смѣшной
 Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
 На Таню чопорно глядятъ,
 И про нее между собою
 Неблагодарно говорятъ.
 Одинъ какой-то шутъ печальной
 Ее находитъ идеальной,
 И, прислонившись у дверей,
 Элегію готовить ей.
 У скучной тетки Таню встрѣтя,
 Къ ней какъ-то В . . . . подсылъ
 И душу ей занять успѣлъ.
 И близъ него ее замѣтя,

Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внимлетъ,
Гдѣ Терпсихоръ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ.
Музыки грохотъ, свѣчь блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестряющіе хоры,
Невѣсть обширный полукругъ,

Все чувства поражаетъ вдругъ.
 Здѣсь кажутъ франты записные
 Свое нахальство, свой жилетъ
 И невнимательный лорнетъ.
 Сюда гусары отпускные
 Слѣшать явиться, прогремѣть,
 Блеснуть, пѣвнить и улетѣть.

II.

У ночи много звѣздъ предѣстныхъ,
 Красавицъ много на Москвѣ.
 Но прче всѣхъ подрутъ небесныхъ
 Луна въ воздушной синевѣ.
 Но та, которую не смѣю
 Тревожить лирою моею,
 Какъ величавая луна
 Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
 Съ какою гордостью небесной
 Земли касается она!
 Какъ нѣгой грудь ея полна!
 Какъ томень взоръ ея чудесной! . . . .
 Но полно, полно; перестань:
 Ты заплатилъ безумству дань.

III.

Шумъ, хохоть, бѣготня, поклоны,
 Галопъ, мазурка, вальсъ. . . . Межъ тѣмъ,

Между двух тетокъ, у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь . . . . она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ алей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забуть и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нею не сводитъ
Какой-то важный генераль.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни направо поскорѣй.»
— Направо? гдѣ? что тамъ такое? —
«Ну, что бы ни было, гляди. . . .
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое . . . .»

Вотъ отошелъ . . . . вотъ бокомъ сталъ . . .
— Кто? толстый этотъ генераль? —

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою. . . .
Да кстати здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младова
И множество его пригудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдаю честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

вѣнок.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при клкахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла ширь молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья;

И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый проиаволь,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры

Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтренной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... она за мной.
Какъ часто ласковая муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго рассказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ и шумные пиры,

Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренныя шатры
Племень бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсень степи ей любезной . . .
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій рауть ⁴⁷ привожу;
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ съѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,

И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто, въ толпѣ избранной,
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, сплинъ иль страдающая смѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Уже ль Евгенийъ?
Ужели онъ? . . . Такъ, точно онъ.
«Давно ли къ намъ онъ занесенъ?»

VIII.

Все тотъ же ль онъ, иль усмирися?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратися?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжей,

Иль маской щегольнетъ иной?
 | Иль просто будетъ добрый малой,
 , Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
 По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
 Отстать отъ моды обветшалою.
 Довольно онъ морочилъ свѣтъ . . . .
 — Знакомъ онъ вамъ? — «И да и нѣтъ.»

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
 Вы отзываетесь о немъ?
 За то ль, что мы неутомонно
 Хлопочемъ, судимъ обо всемъ;
 Что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ;
 Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
 Что слишкомъ часто разговоры
 Принять мы рады за дѣла;
 Что глупость вѣтрена и зла;
 Что важнымъ людямъ важны вздоры,
 И что посредственность одна
 Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
 Блаженъ, кто вѣвремя созрѣлъ,

Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился;
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою

Итти, не раздѣля съ ней
 Ни общихъ мнѣній, ни страстей. —

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
 Несносно (согласитесь въ томъ)
 Между людей благоразумныхъ
 Прослыть притворнымъ чудакомъ,
 Или печальнымъ сумасбродомъ,
 Иль сатаническимъ уродомъ,
 Иль даже Демономъ моимъ.
 Онъгінъ (вновь займуся имъ),
 Убивъ на поединкѣ друга,
 Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
 До двадцати шести годовъ,
 Томясь въ бездѣйствіи досуга,
 Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
 Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
 Охота къ переимѣнъ мѣсть
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногихъ добровольный крестъ).
 Оставилъ онъ свое селенье,
 Лѣсовъ и нивъ уединенье,
 Гдѣ окровавленная тѣнь

Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному.
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтъ, надѣли.
Онъ воавратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на бадъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залъ шопоть пробѣжалъ . . .
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генераль.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй. . .
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du somme il faut . . . * * *, прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;

Мужчины кланялися ниже,
 Ловили взоръ ея очей;
 Дѣвицы проходили тише
 Предъ ней по залѣ: и всѣхъ выше
 И носъ и плеча подымалъ
 Вошедшій съ нею генералъ.
 Никто бѣ не могъ ее прекрасной
 Назвать; но съ головы до ногъ
 Никто бы въ ней найти не могъ
 Того, что модой самовластной
 Въ высокомъ Лондонскомъ кругу.
 Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести:
 Оно у насъ покажется ново,
 И врядъ ли быть ему въ чести.
 Оно бѣ годилось въ эпиграмѣ...
 Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
 Безпечной прелестью мила,
 Она сидѣла у стола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы:
 И вѣрно бѣ согласилась вы,
 Что Нина мраморной красою

Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгений:

«Ужель она? Но точно.. Нѣтъ...»

Какъ! изъ глуши степныхъ селеній...»

И неотвязчивый лорнетъ

Онъ обращаетъ поминутно

На ту, чей видъ напомнилъ смутно

Ему забытыя черты.

«Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты

Кто тамъ въ маминовомъ беретѣ

Съ посломъ Испанскимъ говорить?»

Князь на Онѣгина глядитъ.

— Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтъ.

Постой, тебя представляю я. —

«Да кто жъ она?» — Жена моя. —

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!

Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ.» —

«На комъ?» — На Лариной. — «Татьянѣ!»

— Ты ей знакомъ? — «Я имъ сосѣдъ.»

— О, такъ пойдемъ же. — Князь подходитъ

Къ своей женѣ, и ей подводитъ

Родню и друга своего.

Княгиня смотритъ на него...
 И, что ей душу ни смутило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило:
 Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
 Былъ также тихъ ея покладъ.

XIX.

Ей - ей! не то, чтобъ содрогнулась,
 Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
 У ней и бровь не шевельнулась;
 Не сжала даже губъ она.
 Хотъ онъ глядѣлъ, нельзя прилѣживъ,
 Но и слѣдовъ Татьяны прежней
 Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
 Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
 И — и не могъ. Она спросила,
 Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
 И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
 Потомъ къ супругу обратила
 Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
 И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
 Которой онъ наединѣ,

Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу правоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружъ, все наводъ,
Та дѣвочка . . . нль это сонъ? . . .
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ 'поздній сонъ.
Проснулся онъ; ему приносятъ
Письмо: Князь N покорно проситъ
Его навечерь. «Боже! къ ней! . . .
О буду, буду!» — и скорѣй
Мараеть онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?

Досада? суетность? или вновь
 Забота юности — любовь?

XXII.

Онъгинъ вновь часы считаетъ,
 Вновь не дождется дня конца.
 Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
 Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
 Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
 Татьяну онъ одну находитъ
 И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
 Они сидятъ. Слова нейдутъ
 Изъ устъ Онъгина. Угрюмой,
 Неловкій, онъ едва-едва
 Ей отвѣчаетъ. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотритъ онъ: она
 Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
 Сей неприятный tête à tête;
 Съ Онъгинымъ онъ вспоминаетъ
 Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
 Они смѣются. Входятъ гости.
 Вотъ крупной солью свѣтской злости
 Сталъ оживляться разговоръ;

Передъ хозяйкой легкой вздоръ
Сверкала безъ глупаго жеманства,
И прерывала его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства,
И не пугала ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду алыи;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ;
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, постарому шутлившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграмы падкій,
На все сердитый господинъ:

На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
 На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На толки про романъ туманный,
 На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
 На ложъ журналовъ, на войну,
 На снѣгъ и на свою жену.

.....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....

XXVI.

Тутъ былъ * * *, заслужившій
 Извѣстность низостью души,
 Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
 St.-P**, твои карандаши;
 Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
 Стоялъ картинкою журнальной;
 Румянъ какъ вербный херувимъ,
 Затянуть, вѣкъ и недвижамъ;
 И путешественникъ заветной,
 Перекрахмаленный нахаль,
 Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
 Своей осанкою заботной,

И молча обвиненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Опыгнъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно вѣкъ зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
||| Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бь смѣлъ искать дѣвочки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?

И онъ ей сердце волновалъ!
 Объ немъ она во мракъ ночи,
 Пока морфей не прилетитъ,
 Бывало, дѣвственно груститъ,
 Къ луиъ подьѣмлетъ томны очи,
 Мечтая съ нимъ когда нибудь
 Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
 Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея порывы благотворны,
 Какъ бури великія полямъ.
 Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
 И обновляются, и зрѣютъ —
 И жизнь могущая даетъ
 И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
 Но въ возрастъ поздній и безплодной,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печалень страсти мертвой слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
 Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;

Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
И день и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ цѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стеклянымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинеть
Воа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Влѣднѣть Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.

Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко правдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ цѣль таковъ);
А онъ упрямъ, отстасть не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ невогце;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не вночь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?»

Какому злобному веселью,
Быть может, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣти,
Въ васъ искру нѣжности замѣти,
Я ей повѣрять не поемъль:
Привычку милой не даль ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣль.
Еще одно насъ разлучило.....
Несчастной жертвой Ленокій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку усть, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть . . . вотъ блаженство!

«И я лишень того: для васъ
Ташусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:

А я въ напрасной скукъ трату
Судьбой отсчитанные дни.

И такъ ужъ тягостны они.

Я анаю: вѣкъ ужъ мой изжвренъ;

Но, чтобъ продлилась жизнь моя,

Я утромъ долженъ быть увѣренъ,

Что съ вами днемъ увижусь я. . .

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной

Увидитъ вашъ суровый взоръ

Затѣи хитрости презрѣнной —

И слышу гнѣвный вашъ укоръ.

Когда бъ вы знали, какъ ужасно

Томиться жаждою любви,

Пылатъ — и разумомъ всечасно

Смирять волненіе въ крови;

Желать обнять у васъ колѣни,

И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ

Искать мольбы, признанья, пѣни,

Все, все, что выразить бы могъ,

А между тѣмъ притворнымъ хладомъ

Вооружить и рѣчь и взоръ,

Вести спокойный разговоръ,

Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ! . . .

«Но такъ и быть: я самъ себѣ

Противиться не въ силахъ болѣ;

Все рѣшено: я въ вашей волѣ,

И предаюсь моей судьбѣ.»

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
 Второму, третьему письму
 Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
 Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ . . . ему
 Она наветрѣчу. Какъ сурова!
 Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
 У! какъ теперь окружена
 Крещенскимъ холодомъ она!
 Какъ удержать негодованье
 Уста упрямья хотятъ!
 Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
 Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
 Гдѣ пятна слезъ? . . . Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
 На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ . . . .

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
 Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
 Проказы слабости случайной. . . . .
 Всего, что мой Онѣгинъ зналъ. . . . .
 Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
 Свое безумство проклинаетъ —
 И, въ немъ глубоко погруженъ,
 Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
 И въ молчаливомъ кабинетѣ
 Ему припомнилась пора,

Когда жестокая хандра
 За нѣмъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
 Поймала, заворотъ взяла
 И въ темный уголь заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
 Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шанфора,
 Madame de Stael, Биша, Тиссо,
 Прочелъ скептическаго Беля,
 Прочелъ творенья Фонтенеля,
 Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
 Не отвергая ничего:

И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ твердятъ,
 Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
 А гдѣ такіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда,
 E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печатными строками
 Читалъ духовными глазами
 Другія строки. Въ нихъ-то онъ

Быль совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ,
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на нощегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,

Или не сдѣлался поэтомъ.
 Признаться: то-то бѣ одолѣеть!
 А точно: силой магнетизма
 Стиховъ Россійскихъ механизма
 Едва въ то время не постигъ
 Мой безтолковый ученикъ.
 Какъ походилъ онъ на поэта,
 Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
 И передъ нимъ пылалъ каминъ,
 И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
 Иль *Idol mio*, и ронялъ
 Въ огонь то туплю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчался; въ воздухѣ нагрѣтомъ
 Ужъ разрѣшалася зима;
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сошелъ съ ума.
 Весна живить его: впервые
 Свои покои заперты,
 Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
 Двойныя окна, камелѣкъ,
 Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
 Несется вдоль Невы въ саняхъ.
 На снегахъ, изсѣченныхъ льдахъ
 Играетъ солнце; грязно таетъ..

На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадаю; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу, дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ, неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руки щекой.

XLI.

О, кто бъ въ мѣньхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочитае!
Кто прежней Тани, блѣдой Тани
Теперь въ Княгинѣ бъ не узнае!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
Она вздрогнула, и молчитъ;

И на Онъгина глядитъ
 Безъ удивленія, безъ гнѣва...
 Его больной, угасшій взоръ,
 Молящій видъ, нѣмой укоръ,
 Ей внятно все. Простая дѣва,
 Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
 Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
 И, не сводя съ него очей,
 Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
 Безчувственной руки своей...
 О чемъ теперь ея мечтанье?...
 Проходитъ долгое молчанье,
 И тихо наконецъ она:
 «Довольно; встаньте. Я должна
 Вамъ объясниться откровенно.
 Онъгинъ, помните ль тотъ часъ,
 Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
 Судьба свела, и такъ смиренно
 Урокъ вашъ выслушала я?
 Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онъгинъ, и тогда моложе,
 Я лучше, кажется, была,

И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиреной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь. . . Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой. . .

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась. . . Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,

И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вѣнечей Тани
Вы не забыли до сихъ норъ,
То знайте: колкость вѣнечей Брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ мой лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ,
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая радость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?»

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрь свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветость маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ

За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
 Онѣгнѣ, видѣла я васъ,
 Да за смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей.
 Надъ бѣдной виной моей...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко!... Но судьба моя
 Ужъ рѣшена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами задунайскій
 Молла мать; для бѣдной, Тани
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
 Но я другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоялъ Евгенийъ,
 Какъ будто громомъ пораженъ.

Въ какую бурю ощущеній
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
 Но шпоръ незалный звонъ раздался,
 И мужъ Татьянинъ показался,
 И здѣсь героя моего,
 Въ минуту, злую для него,
 Читатель, мы теперь оставимъ,
 Надолго. . . навсегда. За нимъ
 Довольно мы путемъ однимъ
 Бродили по свѣту. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура;
 Давно бѣ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
 Разстаться нынче какъ пріятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенья ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, или острыхъ словъ,
 Или грамматическихъ ошибокъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
 Для развлеченья, для мечты,
 Для сердца, для журнальных ошибокъ,

Хотя крупцу могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Весѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явился впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалль
Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеаль...

О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ расстаться съ нимъ,
Какъ я съ Ояѣгнѣмъ моннѣ.

~~Л. П. П.~~

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

Послѣдняя глава Евгения Онъгина издаваема была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онъгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифромъ; но, въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенимъ Онъгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя проситъ;

Я девять пѣсень написалъ;

На берегъ радостный выносите

Мою ладью девятый вальс.

Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (кoему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ: замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онегинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижній Новгородъ:

..... передъ нимъ
 Макарьевъ суетно хлопочеть,
 Книшитъ обиліемъ своимъ.
 Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
 Поддѣльны вина Европеецъ.
 Табунъ бракованыхъ коней
 Пригналъ заводчикъ изъ степей.
 Игрокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей;
 Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
 А дочки — прошлогодни моды.

Всякъ суетится, лжетъ за двухъ
И всюду меркантильный духъ.

Тоска!...

Онъгинъ ъдетъ съ Астрахань, и оттуда на Кав-
казъ.

Онъ видитъ, Терекъ своеправный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.
Вдали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Черезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Уврѣли Русскіе шатры.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Вешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ

Больныхъ тѣснится бѣдный рой;
 Кто жертва чести боевой,
 Кто почечуй, кто киприды;
 Страдаецъ мыслить жизни нить
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить;
 Кокетка — злыхъ годовъ обиды
 На днѣ оставить, а старикъ
 Помолодѣть — хотя намигъ.

Питая горьки размышленья,
 Среди печальной ихъ семьи,
 Онѣгинь взоромъ сожалѣнья
 Глядитъ на дымныя струи
 И мыслить, грустью отуманенъ:
 Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
 Зачѣмъ не хилой я старикъ,
 Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ Тульскій васѣдатель,
 Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
 Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
 Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
 Чего мнѣ ждоть! Тоска, тоска! . . .

Онѣгинь посѣщаетъ потомъ Тавриду:

Воображенью край священный:
 Съ Атридомъ спорить тамъ Пилладъ,
 Тамъ заколоса Митридатъ,

Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный,
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

•

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хиженокъ Татаръ . . . .
Какой во мнѣ проснулася жарь!
Какой волшебною тоскою
Стѣснялася пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

•

Какія бѣ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли или измѣнились . . . .
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груди скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,

И безъименныя страданья. . . .
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокаль
Воды я много подмышалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ тренака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеаль теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да шей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ. . . .
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтаи?

Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навель твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ. . . . .
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

*

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной. . . .
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свой подьѣмлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италиі златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставку, Морали.

•

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Тумапскій описалъ,

Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Привхавъ онъ прямымъ поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ, и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младья вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

*

А гдѣ-бишь мой рассказъ несвязной!
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
И бѣ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волю бурнаго зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнуть,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ вбродъ;
Кареты, люди тонуть, вязнуть,
И въ дрожкахъ волю, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

*

Но ужь дробить каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ
Какъ будто кованой броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной!
Чего бь, вы думали? — воды!
Потребны тяжкіе труды. . . .
Что жь? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море. . .
Чего жь вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

•

Бывало, пушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходитъ полусонный

Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

Глядишь, и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла;
Однако больше по дѣланъ.

Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлють ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданыхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? — Пришли! — О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызнутыхъ лимономъ.

Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливый Отономъ⁴⁸;
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растеть.

Но ужъ тамъѣтъ вечеръ смій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упрямый Россіи,
Европы баловень-орфей,
Не внемля критикъ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ; они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцалуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашифвшаго ан
Струя и брызги золотые . . .
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-ge-mi-sol?

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистаетъ,
Негоціантка молодая,

Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинъ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью поподамъ . . . .
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора` закричитъ,
Зъвнетъ и — снова захрапѣтъ.

•

Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы режемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ . . . .

•

И такъ и жилъ тогда въ Одессѣ . . . .

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ЕВГЕНІЮ ОЦЪГІНУ.

1. Писано въ Бессарабіи.
2. Dandy, франтъ.
3. Шляпа à la Bolivar.
4. Извѣстный рестораторъ.
5. Черта охлажденнаго чувства, достойная Чизльда-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.
6. Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à

brosser ses ongles, peut bien passer quelques instans à remplir de blanc les creux de sa peau.

(*Confessions de J. J. Rousseau*).

Гримъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенною щеточкой.

7. Вся сія противная строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественникамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь извѣнншею Г-жу Сталь.

(См. *Dix ans d'exil.*)

8. Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

«Вотъ ночь: но не меркнуть златистыя полосы облакъ,
 Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
 На заморѣ далекомъ сребристыя видны вѣтрила
 Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
 Синьемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
 И пурпуръ заката сливается съ влагомъ востока:
 Какъ будто денница за вечеромъ следомъ выводитъ
 Румяное утро. Была то година златая,
 Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи,
 Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ цѣлуетъ
 Сіянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
 Какимъ никогда не украшено небо полудня,
 Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
 Которой глаза голубые и алія щеки
 Едва отъяются русыми локонамъ волнами.
 Тогда надъ Невой и надъ пыльнымъ Петрополемъ видать
 Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни,
 Тогда филомела полночныхъ пѣсокъ лишь кончить»

И вѣсни заводитъ, привѣтствуя дечи восходящій.

Но поздно; повѣла свѣжеть на Невскія тундры;

Роса опустилась; . . . . .

Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысяща весель,

Нева не додыхаетъ; равѣхались гости градскіе;

Ни гласа на брегъ, ни зыбн на влагъ, все тихо:

Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою;

Лишь крикъ, протяженный изъ дальней промчитъ деревни,

Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей,

Все спитъ . . . . .

9. Въявь богиню благосклонну

Зрять восторженный пить,

Что проводитъ ночь безсонну,

Опершись на гранитъ.

(М. Н. Муравьевъ. *Богиня Невы.*)

10. Писано въ Одессѣ.

11. Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго.

12. Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

13. Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, наиримѣръ: Агаѳонъ, Филать, Федора, Фежда и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

14. Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

15. Si j'avois la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. (Шатобрианъ.)

16. Бѣдный Юрикъ! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна.)

17. Въ первомъ изданіи, вмѣсто *домой летать*, было ошибкою напечатано *зимой летать* (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строкахъ.

Слѣдуетъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

18. Юлія Вольмаръ, Новая Элонза. Малекъ-Адель, герой посредственнаго романа М-е Cottin. Густавъ де Анноръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюднеръ.

19. Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмогъ, гениальное произведеніе Матюрна. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.

20. *Lasciate ogni speranza voi ch' entrate.* Скромный авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

21. Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно несправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

22. Е. А. Баратынскій.

23. Смotr. страницу 237, Т. I

24. Пропущенная здѣсь строфа была напечатана въ первомъ изданіи. Вотъ она:

Ужъ икъ далече взоръ мой ищетъ...

А дѣсомъ кравшійся стрѣлокъ

Повѣю клянетъ и свищетъ,

Слуская бережно куроку.

У всякаго своя охота,

Своя любимая работа:

Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,

Кто бредитъ рифмами какъ я,

Кто бьетъ хлопнушкой мужъ нахальныхъ,

Кто правитъ въ замыслахъ толпой,

Кто забавляется войной,

Кто въ чувствахъ мѣжится печальныхъ,

Кто занимается виномъ:

И благо смѣшано со зломъ.

25. Въ журналахъ удивлялся, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немножко ниже, названы *дѣвочками!*

26. «Это значитъ,» замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ.» Справедливо.

27. Въ лѣта красныя мои
Поэтическій ан
Нравилась мнѣ пѣной шумкой,
Симъ подобіемъ любви
Мнѣ юности безумной, и проч.

(Посланіе къ Л. П.)

28. Августъ Лафонтенъ, авторъ множества семейственныхъ романовъ.

29. Смотри: *Первый Слѣзъ*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.

30. См. описаніе Финляндской Зимы въ Эдѣ Баратынскаго.

31. Зоветь котъ кошку
Въ печурку спать.

Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

32. Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

33. Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ*, *мошь* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сн коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прокладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую мошь и конскій топъ.» (Сказка о Бовѣ Королевичѣ.) *Хлопъ* употребляется въ просторѣчій вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шпиль* вмѣсто *шпильнѣя*.

Окъ ишь пустель комѣльному.

(Древнія Русскія стихотворенія.)

Но должно жѣнать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

34. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопріятность.

35. Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человека, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. Островъ.

36. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою. — и проч.

37. Буяновъ, мой сосѣдъ,

.....

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузь съ козырькомъ . . . .
(*Опасный Сосѣдъ*).

38. Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

39. Обѣ сін строфы въ первомъ изданіи помѣщены были.

Вотъ онѣ :

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твой свирѣпый герон,
Твой неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгнымъ холоднымъ,
Передъ сонной скукою полей,
Передъ И — — — — — моею,
Передъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;

Но Таня' (присягну) шкѣй
Елены на костной твоей.

Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Паридъ.
Что жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте дальѣ читать;
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.

40. Въ первомъ изданіи, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ, эта строфа напечатана была въ слѣдующемъ видѣ:

Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучать; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вкругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ:
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустылись, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблуки
Отдавятъ дамскіе носки!

41. Парижскій рестораторъ.

42. Стихъ Грибоѣдова.

43. Славный ружейный мастеръ.

44. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

45. Дороги наши — садъ для глазъ:

Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;

Работы много, много славы,

Да жаль проѣзда нѣтъ подчасъ.

Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,

Проѣзжимъ мало барыша;

Дорога, скажешь, короша —

И вспомнишь стихъ: для проходящихъ.

Свободна Русская ѣзда

Въ двухъ только случаяхъ: когда,

Нашъ *Маль-Адамъ* или *Макъ-Ева*,

Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,

Опустошительный набѣгъ,

Путь окуетъ чугуномъ лѣдистымъ,

И запорошитъ ранній снѣгъ

Слѣды ея пескомъ пушистымъ;

Или когда поля пройметъ

Такая знойная засуха,

Что черезъ лужу можетъ вбродъ

Пройти, глаза зажмура, муха.

(Станція. Князь Вяземскій.)

46. Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостію воображенія. К... рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концемъ изъ тележки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

47. *Reut*, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значить толпа.

48. Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛЯ РОССІАНЪ

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА,

СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНІЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ ПОСВЯЩАЕТЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1898 ГОДА, 20 ФЕВРАЛЯ.)

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

Воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоюетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,

Что пьяница предъ чаркою вина,
 И наконецъ по милости своей
 Принять вѣнецъ смиренно согласится,
 А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
 Попрежнему.

Воротынскій.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
 Какъ, затворясь въ монастырьъ съ сестрою,
 Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
 Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
 Склонить его доседѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни волю всей Москвы,
 Ни голосу Великаго Собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу;
 Печальная Монахиня-Царица,
 Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
 Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Что ежели Правительъ въ самомъ дѣлѣ
 Державными заботами наскучилъ
 И на престолъ безвластный не взойдетъ?
 Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь Царевича-младенца;
 Что если такъ, Дмитрій могъ бы жить.

БОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

ШУЙСКІЙ.

А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обонхъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Исслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

БОРОТЫНСКІЙ.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый;
Распрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

БОРОТЫНСКІЙ.

Нечисто, князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявить Феодору? Но Царь
 На все глядѣлъ очами Годунова,
 Всему внималъ ушами Годунова:
 Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ;
 Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
 А тамъ меня жѣ сослали бѣ въ заточенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили.
 Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
 Никая казнь меня не устрашитъ;
 Я самъ не трусь, но также не глупецъ,
 И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губителя раскаянье тревожитъ:
 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему ступить мѣшаетъ на престолѣ.

Шуйскій.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
 Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
 Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
 Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій.

Такъ, родомъ онъ незнатенъ; мы знатнѣе.

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Бѣдь Шуйскій, Воротынскій...

Легко сказать, природные князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь, вѣдь мы бѣ имѣли право
Наслѣдовать Теодору.

Шуйскій.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жъ?

Когда Борисъ хитритъ не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ Цари любаго изберутъ.

Воротынскій.

Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю отрасль
Воинственныхъ влaстителей своихъ.

Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
И славою народъ очаровать.

(Шуйскій глядитъ въ окно).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, навадь —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Нсумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

Другой.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

Третій.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.

Народъ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думной говоритъ;
Ш ш — слушайте!

ЩЕЛКАЛОВЪ (съ Краснаго крыльца).

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ отвѣдать слѣду просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.

Заутра вновь святѣйшій Патріархъ,

Въ Кремль отивъ торжественно молебенъ,

Предшествуемъ хоругвями святыми,

Съ иконами Владимірской, Донской,

Воздвижется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре,

Да сонмъ Дворянъ, да выборные люди

И весь народъ Московскій православный,

Мы всѣ пойдемъ молить Царицу вновь,

Да сжалятся надъ сирюю Москвой

И на вѣнецъ благословить Бориса.

Идите же вы съ Богомъ по домамъ,

Молитесь, да выдетъ къ небесамъ

Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ, БОЯРЕ.

БОРИСЪ.

Ты, отецъ Патриархъ, вы всѣ, Бояре,
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреніемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и Ангелу-Царю!..
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Возри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И испосли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословеніе:
Да правлю я во славу свой народъ,

Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Неизбранный еще народной волей.

Бояре.

Не измѣнимъ присягъ, нами данной.

Борисъ.

Теперь поидемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на ширь,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣща; *и т. д.*
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре.)

Князь Воротынскій, останавливая Шуйскаго.
Ты угадалъ.

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здѣсь, напередни,
т. е. да

Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ —

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить;
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрный узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ Царя;
Отсутствіе мое замѣтить могутъ.
Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЪЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(1602 ГОДА.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ спящій.

Пименъ *(пишетъ передъ лампадой)*.

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Миѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когданибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, шель вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною —
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуясь, какъ море-окианъ?

Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погребло невозвратно!..

Но близокъ день, лампада догараетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій пробуждается.

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Юанна?

О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? напрасно:
 Ни на челѣ ^{блг.}высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
 Такъ точно Дьякъ, въ Приказѣ ^{Госуд.}посѣдѣлый,
 Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пимкиъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,
 Честный отецъ.

Пимкиъ.

Благослови, Господь,
 Тебя и днесь и присно и вовеки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
 А мой покой бѣсовское мечтанье
 Тревожило, и врагъ меня мучилъ:
 Мнѣ снилось, что лѣстница крутая
 Меня вела на башню; съ высоты
 Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
 Внизу народъ на площади кивалъ
 И на меня указывалъ со смѣхомъ;
 И стыдно мнѣ и страшно становилось,

И падая стрелглавъ, я пробуждался. . . .

И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.

Не чудно ли?

Цинивнѣ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи, —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные шеры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Иоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келлямъ скитаюсь бѣднѣйшій внокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не шировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

Пимень.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшнѣй свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Пасъ издали пѣвнютъ слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.

Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.

Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единный Богъ. Кто смѣетъ
 Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
 Златой вѣнецъ тяжель имъ становился:
 Они его мѣняли на клобукъ.

Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ трудовъ.

Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ подный,
 Монастыря видъ новый принималъ:

Кромѣшники въ тафьяхъ и власнницахъ
 Послушными являлись ^{саіеѣ} чернецами,

А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.

Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальнѣй,
 Мужъ праведнѣй; тогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
 Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
 Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней;

Задумчавъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ,
«Предстану здѣсь алкающій спасенья;
«Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилъ,
«Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
«Приду къ вамъ преступникъ окаянный
«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши.»
Такъ ^{гов} говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его ^{св. д. духъ} душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
Онъ воздымалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славу безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едино зримый,

Явился мужъ необычайно свѣтель,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать ¹⁴¹¹ Теодоръ
 И называть великимъ Патриархомъ,
 И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,

Зане святой Владыка предъ Царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.

Когда же онъ преставился, палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 И ликъ его какъ солнце просіялъ. ¹⁴¹²

Ужъ не видать такого намъ Царя.

О страшное, невиданное горе!

Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:

Владыкою себѣ цареубійцу

Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,

Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти

Дмитрія Царевича; въ то время

Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,

Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ

На нѣкое былъ посланъ послушанье;

Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,

Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;

Крикъ, шумъ. Выгуть на дворъ Царицы. Я
 Слышу туда жь, а тамъ уже весь городъ:
 Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
 Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
 Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
 А тутъ народъ остервенясь волочить
 Безбожную предательницу - мамку . . .
 Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
 Является Иуда - Битяговскій.
 «Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
 И вмигъ его не стало. Тутъ народъ . . .
 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
 Укрывшихся влодѣевъ захватили .
 И привели предъ теплый трупъ младенца,
 И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ . . .
 «Покайтесь!» народъ имъ загремѣлъ: . . .
 И въ ужасъ подъ топоромъ злодѣи
 Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
 (Тому прошло ужъ десять лѣтъ . . . нѣтъ, больше:
 Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
 И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу

Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало

Вникалъ въ дѣла шірскія. Братъ Григорій,
 Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
 Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
 Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
 Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
 Войну и миръ, управу Государей,
 Угодниковъ святыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны.
 А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
 И погасить лампаду . . . Но звонятъ
 Къ заутренѣ . . . благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ! . . . подай костью, Григорій.
 (Уходитъ).

ГРИГОРІЙ.

Борись, Борись! все предъ тобой трещеть,
 Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
 О жребіи несчастнаго младенца;
 А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
 И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
 Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣжалъ, святой Владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какаго онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздаль, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ отъ туда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и нерауменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смирен-

ному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши
лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать
грамота далася ему не отъ Господа Бога...

ПАТРИАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамотѣи! что еще выдумалъ!
буду Царемъ на Москвѣ! Ахъ, онъ сосудъ дѣволь-
скій! Однако нечего Царю и докладывать объ
этомъ; что тревожитъ Отца-Государя! Довольно
будетъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или
Дьяку Ефимьеву. Этакъ ересь: буду Царемъ на
Москвѣ!... Поймать, поймать врагоугодника, да и
сослать въ Соловецкій на вѣчное покаянiе. Вѣдь
это ересь, отецъ Игуменъ? ^{блжннцѣ}

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святой Владыка, суцая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:

Кудесники, гадатели, колдуньи.

Все ворожить, что красная невѣста.

Желалъ бы знать, о чемъ гадаютъ онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ утрюмъ! (Уходитъ).

ЦАРЬ *входитъ.*

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся! . . .
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насыпалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснунясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ дома истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:

Они жь меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жь ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха . . . .
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Винникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца! . . .
Кто ни умреть, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускориъ Феодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную . . . все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто . . . едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ извой моровой
Душа сгорить, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
И все топнеть, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ . . .
И радъ бѣжать, да некуда . . . ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЪ и ВАРЛААМЪ вРОДИЛИ ВЪ ВЛДѢ ЧЕР-
НЕЦОВЪ; ГРИГОРІЙ ОТРЕШЬЕВЪ ^{ГРИГОРІЙ} ИРЛИННОМЪ;
ХОЗЯЙКА.

Хозяйка.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

Варлаамъ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка. Нѣтъ ли вина?

Хозяйка.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

(Уходитъ.)

Мисаилъ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и
граница Литовская, до которой такъ хотѣлось
тебѣ-добраться.

Григорій.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду
спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшнѣйшій, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино, . . . да вотъ и оно! . . .

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка, входить.

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЪ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Поетъ: Какъ во городъ было во Казани . . .) Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?
с.г.г.

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЪ.

Вольному воля . . . .

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку . . . . *п.м.г.г.*

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыкъ не люблю: ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ! . . .
Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисланъ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ
назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо
откуда — да еще и спѣсивится. (*Пьетъ и поетъ:
Молодой Чернецъ постригся.*)

Григорій, хозяйка.

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвынь горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть,
кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

Григорій.

Какъ, заставы! что это значитъ?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ
задерживать, да осматривать.

Григорій, про себя.

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (Вслухъ.) Да кого жь имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? ничего, ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякой мальчишка доведетъ до Луевыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ, да обираютъ насъ бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

Хозяйка.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть оканнмымъ! чтобъ имъ... (Входятъ приставы.)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ.

Одинъ Приставъ другому.

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ.) Вы что за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню Христіанскую на монастырь.

Приставъ, Григорью.

А ты?

Мисаилъ.

Нашъ товарищъ . . . .

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселъ иду восвоиса.

Мисаилъ.

Такъ ты раздумалъ . . . .

Григорій, *тихо*.

Молчи.

Приставъ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здѣсь со старцами пошьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой Приставъ, *тихо*.

Парень-то, кажется, голь; съ него ваять нечего; за то старцы . . . .

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мой, каково промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! Нынѣ Христиане стали скуны; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велий на языцы земни. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о ширскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля — другая, заглянешь въ мошенику, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ гори и остальное прощешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо, знать пришли наши послѣднія времена . . . .

Хозяйка, плачетъ.

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой речи, первый Приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алѣха! при тебѣ ли Царскій указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ко сюда.

Мисанлъ.

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый Приставъ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретики, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисанлъ.

Не слыхалъ.

Приставъ.

Не слыхалъ? ладно. А того бѣлаго еретика Царь приказалъ поймать и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисанлъ.

Не анаю.

Приставъ, Варлааму.

Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ, Мисанлу.

А ты?

Мисанлъ.

Не умудрилъ Господь.

Приставъ.

Такъ вотъ тебѣ Царскій указъ.

Мисанлъ.

На что мнѣ его?

Приставъ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретики, воръ, мошенникъ — ты.

МИСАИЛЪ

Я? помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка.

Ахъ они окашныя мучители! и старца - то въ дождь не оставятъ!

ПРИСТАВЪ.

Кто здѣсь грамотный?

Григорій, выступаетъ впередъ.

Я грамотный.

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ, даетъ ему указъ.

Читай же вслухъ.

Григорій, читаетъ.

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впадъ въ ересь и дерзнулъ, наученный дѣволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окашныи Гришка, къ границѣ Литовской...»

ПРИСТАВЪ, Мисаилу.

Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И Царь повелѣлъ изловить его . . . .

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Туть не сказано повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду . . . . (смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ нѣветъ пѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое.

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ уже не думаль, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ, вырывая бумагу.

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! нѣтъ, братъ! молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читываль и худо разбираю, а туть ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ. (Читаетъ по складамъ.) «А лѣтъ е-му отъ роду . . . 20.» — Что братъ, гдѣ туть 50? видишь 20?

ВТОРОЙ ПРИСТАВЪ.

Да, помнится, 20; такъ и намъ было сказано.

Первый Приставъ, Григорію.

Да ты, братъ видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой.)

Варлаамъ, продолжаетъ.

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая.» Да это другъ ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.)

Приставы.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІИ, множество гостей. Ужинъ.

Шуйскій.

Вина еще. *(Встаетъ, за нимъ и естъ.)*

Ну, гости дорогие,
Последній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

Мальчикъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ, моленію внимли:
Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря.
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,

Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
 Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
 Да будетъ онъ, какъ прежде, благодѣтель;
 И милосивъ и долготерпѣливъ,
 Да мудрости его неистощимой.
 Проистекуть источники на насъ;
 И Царскую на то воздвигнувъ чашу,
 Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

Шуйскій, пѣтъ.

Да здравствуетъ Великій Государь!
 Простите же вы, гости дорогие;
 Благодарю; что вы моей хлѣбъ-солью
 Не презрѣли. Простите, добрый содѣ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ.

Наскучу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ,
 я ужь думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій, слугамъ.

Вы, что ротъ разинуды? Все бы вамъ господь
 подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте
 вонъ. Что такое, Аонасіѣ Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса да и только.

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
 Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну.

Пушкинъ.

Странную племянникъ ищетъ новость.
Сынъ Грознаго . . . . .постой. (Идетъ къ дверямъ и
осматриваетъ.) Державный отрокъ,
По маню Бориса убиенный . . . .

Шуйскій.

Да это ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вотъ-на! какая вѣсть!

Царевичъ живъ! Ну подлинно чудесно.
И только-то.

Пушкинъ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образъ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій.

Не можетъ быть.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ прѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату Короля.

Шуйскій.

Кто жь онъ такой? откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ,

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый Панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднималъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жь говорятъ объ этомъ удалецѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ,
И говорятъ, помогу обѣщаль.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ неволью.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису

Сдержать вѣнецъ на умной доловѣ.
И подѣломъ ему: онъ править нами.....
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно.....
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь.....
Своимъ жезломъ не подгребаеть углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить

Работника! Не то, въ Приказъ Холопей.
Ну, слыхано ль хоть при Царь Иванъ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его, Царьбуи самозванецъ,
Имъ посулить старинной Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣстимо,
Знай про себя. Ты человекъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали...
Прощай же, Князь.

Шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ, чертитъ географическую карту.

ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

КСЕНИЯ, целуетъ портретъ.

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМКА.

И, Царевна! дѣвица плачетъ, что роса падеть: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

КСЕНИЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ.)

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? что, милая моя?

Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!

Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.

Дитя мое! судьба мнѣ не судила

Виновникомъ быть вашего блаженства.

Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,

Я счастье твое не могъ устроить;

Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?

А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ФЕОДОРЪ.

Чертежъ земли Московской; наше царство

Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,

Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,

Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,

А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое

Узоромъ здѣсь вѣется?

ФЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!

Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть

Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.

Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ

Намъ опыты быстротекущей жизни.

Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
 Всѣ области, которыя ты нынѣ
 Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
 Всѣ подъ руку достанутся твою.
 Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
 Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семенъ Годуновъ.)

Вотъ Годуновъ идетъ къ мнѣ съ докладомъ.
(Ксеніи) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
 Прости, мой другъ; утѣши тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходитъ.)

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь-Василья
 И Пушкина слуги пришли съ донесомъ.

ЦАРЬ.

Ну.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
 Что поутру вчера къ намъ въ домъ прѣхалъ
 Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
 Безъ грамоты отослалъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догонию.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощаль
Своихъ друзей, обихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединъ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Государь!

Опъ адъсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что?...

Противень мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный;

А Шуйскому не должно довѣрять.

Уклончивый, но смѣлый и лукавый...

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ...

И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать.
Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій, *(тихо указывая на Теодора.)*

Но, Государь . . . .

Царь.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть . . . .

Царь.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ.

Шуйскій.

Все знаетъ онъ! . . . Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь.

Нѣтъ нужды, Князь: хочу сорбразить
Извѣстiя; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Цань за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но . . . . чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, Царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.

Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.

Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Дмитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Дмитрія! . . . какъ? этого младенца?

Дмитрія! . . . Царевичъ, удались.

Шуйскій.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ! . . .

Феодоръ.

Государь,

Дозволишь ли! . . . .

Царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Феодоръ уходитъ.)

Дмитрія! . . . .

Шуйскій.

Онъ ничего не знаетъ.

Царь.

Послушай, Князь: ваять мѣры сей же часъ;

Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась

Заставами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть

Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,

Чтобъ мертвые изъ гроба выходили

Допрашивать Царей, Царей законныхъ,

Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,

Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?

Смѣшно? а? что? чтожь не смѣешься ты!

Шуйскій.

Я, Государь? . . .

Царь.

Послушай, Князь Василій:

Какъ я узналъ, что отрока сего . . . .
Что отрокъ сей лишился ^{твоей} какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь
Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

Шуйскій.

Клянусь тебѣ . . . .

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немощь;
 Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
 И ногъ ли я такъ слѣпо обмануться,
 Что не узналъ Дмитрія? Три дня
 Я трупъ его въ Соборъ посѣщаль,
 Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
 Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
 Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ тѣнѣ примѣтно проступало,
 Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
 И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
 Глубокая не запекалась язва,
 Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Дмитрій
 Во гробъ спитъ.

Царь.

Довольно, удались. (*Шуйскій уходитъ.*)

Ухъ, тяжело! . . . дай духъ переведу!
 Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
 Мнѣ кинулась и тяжело опускалась . . . .
 Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ средю
 Все снилося убитое дитя!
 Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
 Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
 Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
 Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,

Иль звукъ лишить дѣтей моихъ наслѣдства?

Безумецъ я! чего жъ я испугался?

На призракъ сей подуй — и нѣтъ его.

Такъ ^{Phantom} рѣшено: не окажу я страха;

Но презирать недолжно ничего . . . .

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ И РАТЕВЪ ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненій;
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ Царя его.
Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Восточна Церковь
Признають власть Намѣстника Петра.

РАТЕВЪ.

Вспомоществуй тебѣ святыи Игнатій,
Когда придуть иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Ты въ душѣ, Царевичъ, сѣмена;

Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велить:
 Твои слова, дѣянья — судить люди;
 Намъ ренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ашеп. Кто тамъ! (*Входитъ слуга.*) Сказать:

Мы принимаемъ.

(*Отворяются двери, входитъ толпа Рускихъ и Поляковъ.*)

Товарищъ! мы выступаемъ завтра
 Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
 Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
 Я знаю: твой гостепріимный замокъ
 И пышностью блистаетъ благородной
 И славится хозяйкой молодой.

Прелестную Марину я надѣюсь
 Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
 Литва и Русь, вы, братскія знамена
 Поднявшіе на общаго врага,
 На моего коварнаго злодѣя,
 Сыны Славянъ, я скоро поведу
 Въ желанный бой дружины ваши грозны,
 Но между васъ я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
 Просить меча и службы.

САМОВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.

Ко мнѣ друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ
Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій.

САМОВАНЕЦЪ, Курбскому.

Имя громко!

Ты родственникъ Казанскому герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Нѣтъ, ужьрѣ.

САМОВАНЕЦЪ:

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный иститель,
Съ Литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

КУРБСКІЙ.

Мой отецъ

Въ Вольнѣи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,

Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады.
 Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
 Онъ юности своей отчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОВАНЕЦЪ:

Несчастный вождь! какъ ярко пресѣлалъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни.
 Я радуюсь, великородный витязь,
 Что кровь его съ отечествомъ мирится;
 Вины отцевъ не должно вспоминать;
 Миръ гробу ихъ! Приблѣжся, Курбскій . . . руку!
 Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
 На тронъ, кого? да — сына Іоанна! . . .
 Все за меня: и люди и судьба.
 Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

СОБАНЬСКІЙ, ШЛЯХТИЧЬ ВОЛЬНЫЙ.

САМОВАНЕЦЪ:

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
 Впередъ ему треть жалованья выдать.
 Но эти кто? я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЩОВЪ, БѢТЬ ЧЕЛОМЪ.

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
 Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ Царь, и за тебя готовы

Главами лечь; да будутъ наши трупы
На Царской тронъ ступенями тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Мужайтесь, безвинные страдальцы.
Лишь дайте мнѣ добратся до Москвы,
А тамъ Борисъ расплатится во всемя.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои Царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я зналъ Донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ Донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (*приближается, кланяясь низко и
хватая Гришку за полу*).

Великій Принцъ, Свѣтлѣйшій Королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

Поэтъ, *подастъ ему бумагу.*

Примите благосклонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!

Стократъ священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ,

Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ.

И я люблю Парнасскіе цвѣты.

Я вѣрую въ пророчества шитовъ.

Нѣтъ; не вотще въ ихъ пламенной груди

Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,

Его жъ они прославили заранѣ!

Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье

Прими сей даръ. (*Даетъ ему перстень*).

Когда со мной свершится

Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ

Надѣну я; надѣюсь вновь услышать

Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

И такъ, друзья, дозавтра, до свиданья.

Всѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій,

Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРЪ.

(Рядъ освещенныхъ комнатъ. Музыка.)

ВИШНЕВЕЦКІЙ, МНИШЕКЪ.

МНИШЕКЪ.

Онъ говоритъ съ одной моею Мариной,
Мариною одною занятъ онъ . . .

А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.

Ну — думалъ ты, признайся, Вишневецкій,
Что дочь моя Царицей будетъ? а?

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Да, чудеса . . . и думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской?

МНИШЕКЪ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промолвилъ: ну, смотри!

Не упускай Дмитрія! . . . и вотъ
Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

*(Музыка играетъ Польской. Салозванецъ
идетъ съ Мариною въ первой парѣ).*

МАРИНА *(тихо Дмитрію)*

Да, ввечеру, въ одиннадцатъ часовъ,
Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара).

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашелъ Дмитрій?

ДАМА.

Какъ! она

Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная нимфа:

Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки . . .

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его приятенъ;

И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жъ похоть?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велитъ Царевичъ.

Готовы мы; но видно, Панна Мнишекъ

Съ Дмитріемъ задержитъ насъ въ плѣну, *свѣтъ*

ДАМА.

Пріятный пльнь.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустуют).

МНИШЕКЪ.

Мы старики ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цалуемъ,
Охъ, не забыль старинныхъ я проказъ.
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь ей-ей не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ - то приуныло.
Оставимъ ихъ; пойдёмъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ: пойдёмъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, МАРИНА.

САМОЗВАНЕЦЪ (входитъ.)

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рождень не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ и смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — и духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепеть?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Марипой,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,

Какъ обольщу ея надменный умъ,
 Какъ назову Московскою Царицей;
 Но часъ насталь, и ничего не помню;
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
 Любовь мутить мое воображенье . . . .
 Но что - то вдругъ мелькнуло . . шорохъ . . тише
 Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
 И шумъ вѣвъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА (входитъ.)

Царевичъ!

САМОВАНЕЦЪ.

Она! . . Вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Дмитрій! Вы?

САМОВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!

(Идетъ къ ней) Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу .

Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?

Какъ медленно катился скучный день!

Какъ медленно заря вечерня гасла!

Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночью!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.

Я здѣсь тебѣ назначила свиданье

Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи

Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,

Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской сѣпотою,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница Московскаго Царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;

Ужъ носятся сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
 А Годуновъ свои пріемлетъ иѣры . . . .

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на Царственную власть.
 Твоя любовь . . . что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
 Твоя любовь . . .

МАРИНА.

Стыдись! не забывай
 Высокаго, святаго назначенья:
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не ювошѣ кипящему, безумно
 Пльненному моею красотой,
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня .

Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели . . . о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бѣ не Царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бѣ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бѣ . . . тогда бѣ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

НѢТЬ! полно:

Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей:
НѢТЬ, полно мнѣ притворствоваться! скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ:
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;

Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался,
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О стыдъ! о горе мнѣ!

(Моланіе).

САМОВЗВАНЕЦЪ *(тихо)*.

Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? *(Вслухъ)*. Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
Рѣши: я жду *(бросается на колѣна)*.

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ.

Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки доврчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (встаетъ).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной . . .

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и Царей —
Я міру лгалъ: но не тебѣ, Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!

Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безыменный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.

Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
 Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
 Соединить судьбу мою съ твоею,
 Когда ты самъ съ такою простотою,
 Такъ вѣтрено ^{сиди} позоръ свой облачаешь? *well in truth!*
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ
 Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
 Отъ радости предъ нашимъ Королемъ,
 Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
 Ты вымучить одна могла признанье.
 Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ ширшествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
 Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдасть мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
 О вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя ль узнать,
 Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
 Какъ набожный пріемышъ Іезуитовъ?
 Иль честію, какъ витязъ благородный,
 Иль, можетъ быть, единымъ Царскимъ словомъ,
 Какъ Царскій сынъ? не такъ ли? говори.

Димитрій, (гордо.)

Тѣнь Грознаго мѣня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ мѣня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно, стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ.
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрять Польской дѣвѣ,

Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
 Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
 Дмитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны.
 Имъ это ^{дѣло} лишь и нужно: и тебя,
 Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
 Прощай. ^{уходитъ}

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
 Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа;
 Съ тобою, Князь, она меня миритъ.
 Безумный твой порывъ я забываю
 И вижу вновь ^{тебя} Дмитрія. Но слушай:
 Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
 Веди полки скорѣе на Москву;
 Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій —
 Тогда за мной шли брачнаго посла;
 Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
 Не оперлась на тронныя ступени,
 Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
 Любви рѣчей не буду слушать я. (*Уходитъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
 Или хитрить съ придворнымъ Іезуитомъ,
 Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
рвётъ

И путаетъ, и вѣтса, и ползетъ,
и, андрас *счасть*

Скользаетъ изъ рукъ, *кисел* шипитъ, грозитъ и жалитъ.

Сид Змѣя! змѣя! . . . Недаромъ я дрожалъ.

Она меня чуть чуть не погубила.

Но рѣшено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

**КНЯЗЬ КУРЬСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ, оба вертла-
ми. Полки приближаются къ границѣ**

Курьскій, прискакавъ первый.
Вотъ, вотъ. она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ, шю жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробъ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загулетъ
За своего надѣжу - Государя! . . .

Самозванецъ, ѣдетъ тихо съ пониженной голосой.
Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!

О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
Забывъ отцемъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго Царя
Ты возвратить отечеству . . . ты правъ,
Душа твоя должна пылать воедѣемъ.

КУРБСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, Царевичь.
Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ - царевубійца!
Впередъ!

КУРБСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!

(Скажутъ. Полки переходятъ чрезъ границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ И БОЯРЕ.

ЦАРЬ.

Возможно ли? разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчить и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ авѣря

Заморскаго, въ желѣзной кѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь. (*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

ЦАРЬ.

Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помощь;
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ на коня сѣдлись, и людей
Постаринѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопоть,
Умы кипятъ . . . ихъ нужно остудить;

Предупредить желалъ бы казни я,
 Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
 Святый Отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселявшій
 Духъ милости и кроткаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей, великій Государь;
 Ты грѣшному погибели не хочешь,
 Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
 Оно пройдетъ и сояще правды вѣчной
 Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный Богомолецъ,
 Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
 Дерааетъ днесъ подать тебѣ свой голосъ:
 Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
 Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народъ;
 Онъ именемъ Царевича, какъ ризой
 Украденной, безстыдно облачился:
 Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
 Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
 Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
 Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
 Благословилъ на Царскую державу —
 Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
 Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
 И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
«И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
«До старости: напрасно я лечился
«И зелиемъ и тайнымъ нашептаньемъ;
«Напрасно я ходилъ на поклоненье
«Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ;
«Напрасно я изъ кладязей святыхъ
«Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
«Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
«Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
«И къ тмѣ своей привыкъ, и даже сны
«Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
«А снилися мнѣ только звуки. Разъ
«Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
«Мнѣ говорить: встань, дѣдушка, поди
«Ты въ Угличь-градъ, въ Соборъ Преображенья;
«Тамъ помолись ты надъ моею могилой,
«Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
«Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
«Царевичъ я Дмитрій. Царь небесный
«Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
«И я теперь великій Чудотворецъ.
«Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
«Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
«Мнѣ позднее даруетъ исцѣленья.
«Пойду — и въ путь отправился далекій.
«Вотъ Углича достигъ я, прихожу

«Въ святой Соборъ, и слушаю обѣдню,
 «И, разгорась душой усердной, плачу,
 «Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
 «Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
 «Когда народъ сталъ выходить, я внуку
 «Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 «Царевича Дмитрія. И мальчикъ
 «Повелъ меня — и только передъ гробомъ
 «Я тихую молитву сотворилъ,
 «Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 «И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.»

Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

*(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ
 нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ.)*

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣданъ, что многіе страдальцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
 Перенести, поставить ихъ въ Соборъ
 Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
 «И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Моланіе.)

Князь Шуйскій.

Святой отецъ, кто вѣдаетъ пути
 Всевышняго? Не мнѣ его судить.

Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Ислѣдовать прилѣжно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства — прощѣ.
Такъ, Государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

ЦАРЬ.

Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ Бояре.)

Одинъ Бояринъ, тихо другому.
Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

Первый.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА- СЪВЕРСКАГО.

(1604 ГОДА, 21 ДЕКАБРЯ.)

БИТВА.

Воины, бѣгутъ въ безпорядкѣ.

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!
(Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ.)

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Ашопъ... пошелъ назадъ!

Одинъ изъ взгляцовъ.

Самъ пошелъ, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

Другой.

Ква! ква! тебѣ любо, лягушка заморская, ква-
кать на Русскаго Царевича; а мы вѣдь право-
славные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est - ce à dire *pravoslavni*? ... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre - saint - gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diablo, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

(Входятъ Нѣмцы.)

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся.)

March!

Нѣмцы, идутъ.

Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ.)

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Дмитрію!

ДМИТРІЙ, верхомъ.

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны.)

**ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ
ВЪ МОСКВѢ.**

НАРОДЪ.

Одинъ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

Другой.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый.

Что? ужь проклинали того?

Другой.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ
завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаѣма!

Первый.

Пускай себѣ проклинаютъ; Царевичу дѣла нѣтъ
до Отрепьева.

Другой.

А Царевичу поютъ тебѣ, вѣчную память.

Первый.

Вѣчную память живому! Вотъ уже намъ будетъ
безбожникамъ.

Третій.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

Четвертый.

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣ-
шанный веригами, окруженный мальчишками.)

Мальчишки!

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ! . . . .

тр р р р . . . .

Старуха.

Отвяжитесь отъ него, бѣсѣнота, Помолюсь, бла-
женный, за меня грѣшную.

Юродивый.

Дай, дай, дай копѣечку.

Старуха.

Вотъ тебѣ копѣечка; помани же меня.

Юродивый садится на землю и поетъ:

Мѣсяцъ ѣдетъ,

Котенокъ плачетъ,

Юродивый, вставай,

Богу помолишь!

(Мальчишки окружаютъ его, слеза.)

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? (*Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.*) Экъ она звонитъ!

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣечка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда, ну, покажи.

(*Вырываетъ копѣечку и убѣгаетъ.*)

ЮРОДИВЫЙ, плачетъ.

Взяли мою копѣечку, обижаютъ юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, Царь идетъ.

(*Царь выходитъ изъ Собора; Бояринъ впереди*

раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

ЮРОДИВЫЙ.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ юродиваго.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, юродивый.

(Уходитъ.)

ЮРОДИВЫЙ, *ему вслѣдъ.*

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за Царя Ирода:
Богородица не велитъ.

СЪВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный соотчи.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плавный?

Слѣдуетъ

Ляхъ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ Русскій плавникъ.)

Кто ты?

Плавникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

Плавникъ.

Съ мѣсяць будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

Плзникъ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плзникъ:

Я прибылъ

Недѣль двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

Плзникъ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потерею сраженія и раной

Мстиславскаго; и Шуйскаго послалъ

Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плзникъ.

Царь наградилъ его заслуги честию

И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужиѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, тихо.

Самозванецъ.

Что? ждуть меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.

Кому языкъ отрѣжутъ, а кому

И голову. Такая право притча,

Что день, то казнь. Тюрмы биткомъ набиты.

На площади, гдѣ человекъ три ^{есть; все}

Сойдется — глядь — лазутчикъ ужъ и вѣтса,

А Государь досужною ^{спр} порою

Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.

Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!

Ну, войско что?

Плѣнникъ.

Что съ нимъ? одѣто, сыто,

Довольно всѣмъ.

Самозванецъ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ.

А будетъ тысячь тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и тысячь пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга.)

Самозванецъ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодець.

Самозванецъ, смѣясь.

Такъ это и на дѣлѣ

Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Наавтра бой. (Уходитъ.)

Всѣ.

Да здравствуетъ Дмитрій!

Ляхъ.

Наавтра бой! ихъ тысячь пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячь:
Съ ума сошелъ.

Другой.

Пустое, другъ: Полякъ
Одинъ пять сотъ Москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убъжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ.

Когда бь ты былъ при саблѣ, дервкій плвнникъ,
То я тебя (указывая на свою саблю)
Вотъ этимъ бы смирилъ.

Плвнникъ.

Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого, (показывая кулакъ),
безморгальи.

(Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отго-
дитъ. Все смѣются.)

ЛЪСЪ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ, ПУШКИНЪ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.)

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.
Мой бѣдный конь.

Пушкинъ, про себя.

Ну, вотъ о чемъ жалѣеть,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито врахъ!

Самозванецъ.

Послушай. Можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился.
И отдохнетъ.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ, идетъ къ своему коню.

Мой бѣдный конь! . . . что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волю
Издахнетъ онъ.

(Разуздываетъ и раскдымываетъ коня. Входитъ
нѣсколько Ляховъ.)

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ!
Гдѣ жъ витязь мой?

Ляховъ.

Ляхъ.

Онъ легъ на полъ смерти.

Самозванецъ.

Честъ храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ.
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужё: десятаго повѣшу,
Разбойники!

Пушкинъ.

Кто тамъ ни виновать,
Но все таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ.

А дѣло было наше,
Я было снѣлъ передовую рать —
Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили!
А молодцы! ей Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непременно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мывъ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь. (*Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.*)

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!

Разбитый врахъ, спасаясь побѣгомъ,
Безпечень онъ, какъ глупое дитя:
Хранить его конечно Провидѣнье;
И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоять у Кремль, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! нѣтъ, я ими не доволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить;
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь!

ЦАРЬ.

День этотъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть;
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ править,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный Самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;

Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

(Входитъ Болринъ.)

Что?

Болринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь.

Иду принять; Васмановъ, погоди,

Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно

Поговорить. *(Уходитъ.)*

Васмановъ.

Высокій духъ державный.

Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ

Управиться; и много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворить.

Мысль важная въ умъ его родилась.

Не надобно ей дать остыть. Какое

Мнѣ поприще откроется, когда

Онъ сломитъ рогъ боярству родовому.

Соперниковъ во брани я не знаю;

У Царскаго престола стану первый . . . .

И можетъ быть . . . . Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Болре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрылаются и шепчутъ.)

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорѣ къ Патриарху.

ТРЕТІЙ.

Царевича, Царевича зоветь!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

*(Царя выносятъ на стуль; все Царское семейство,
всѣ Болре.)*

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оставьте одного

Царевича со мною. *(Всѣ удаляются.)* Умираю;

Обищемся; прощай, мой сынъ: сейчасъ

Ты царствовать начнешь . . . о Боже, Боже!

Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу

Мнѣ нѣкогда очистить покаяньемъ.

Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже

Душевнаго спасенья . . . такъ и быть!

Я подданнымъ рожденъ, и умреть

Мнѣ подданнымъ во кракъ бѣ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.

О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.

Въ дни бурные державу ты приемень:
Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ.

Онъ именовъ ужаснымъ ополченъ.

Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;

Передо мной они дрожали въ страхъ;

Возвысить гласъ измѣна не дерзала:

Но ты молодой, неопытной властитель,

Какъ управлять ты будешь подъ грозой,

Тушить мятежъ, опутывать измѣну!

Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,

Онъ слабости даруетъ силу . . . слушай:

Совѣтника во-первыхъ избери

Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,

Любимаго народомъ, а въ боярахъ

Почтеннаго породой или славой —

Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ

Искусный вождь: Басманова пошли

И съ твердостью снеси боярскій ропоть.

Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,

Ты знаешь ходъ державнаго правленія;
Не измѣняй теченія дѣлъ. Привычка
Душа державъ. Я сынъ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престоль онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ^{will} ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухъ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуешь женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ молодые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, утрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь всегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою —

Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ФЕОДОРЪ (на колынахъ.)

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный кладъ... (Входитъ Па-
триархъ, Святители, за ними всѣ Бояре.
Царшу ведутъ подъ руки; Царевна ры-
даетъ).

Кто тамъ?

А! схира... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ:
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патриархъ,
Я Царь еще: внимайте вы, Бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цалуйте крестъ Феодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробъ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянется ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.

Простите жь мнѣ соблазны и грѣхи

И вольныя и тайныя обиды...

Святѣй отецъ, приближься, я готовъ.

*(Начинается обрядъ постриженія. Женщины
въ облорокъ выносятъ).*

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно.

И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ

И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

Басмановъ.

Но я и такъ Феодоромъ высоко

Ужъ вознесенъ: начальствую надъ войскомъ:

Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный,

И гнѣвъ бояръ — я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягалъ наследнику престола

Законному; но если живъ другой,

Законнѣйшій? . . .

Васмановъ.

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кто онъ такой.

Пушкинъ.

Россія и Литва

Дмитріемъ давно его признали;
Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Дмитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Васмановъ.

Пока стою за юнаго Царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевляю,
А вы кого противъ меня пошлете:
Не казака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

Пушкинъ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что Поляки лишь хвастаются, да пьютъ,
А Русскіе . . . да что и говорить —
Передъ тобой не стану я лукавить;

Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
 Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помощью,
 А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
 Дмитрія ты помнишь торжество
 И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
 Послушные сдавались города,
 А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
 Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисѣ.
 А нынче ль? . . . нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
 И раздувать холодный пепелъ брани:
 Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
 Не устоишь; не лучше ли тебѣ
 Дать первому примѣръ благоразумной,
 Дмитрія Царемъ провозгласить
 И тѣмъ ему навѣки удружить?
 Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшишь.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ:
 (Уходитъ).

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣтъ:

Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,

Чтобъ и меня бунтовщики связаали

И выдали Отрепьеву? Не лучше ль

Предупредить разрывъ потока бурный,

И самому... Но измѣнить присягѣ!

Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!

Довѣренность младаго Вѣнценосца

Предательствомъ ужаснымъ заплатить!

Опальному изгнаннику легко

Обдумывать мятежъ и заговоръ,

Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...

Но смерть... но власть... но бѣдствія народны...

(Задумывается).

Сюда! кто тамъ? *(Свистеть)* Коня! трубите сборъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ ИДЕТЬ ОКРУЖЕННЫЙ НАРОДОМЪ.

НАРОДЪ.

Царевичь намъ боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

Пушкинъ *(на аванъ)*.

Московскіе граждане,
Вамъ кланяться Царевичь приказалъ. *(Кланяется)*.
Вы знаете, какъ Промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ

Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо нѣтъ.

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане,

Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли

Подъ властію жестокаго пришельца:

Опалу, казнь, безчестіе, налоги;

И трудъ, и гладъ, все испытали вы.

Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,

Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,

Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.

Вы ль станете упрямиться безумно

И милостей кичливо убѣгать?

Но онъ идетъ на Царственный престолъ

Своихъ отцевъ въ сопровожденіи грозномъ.

Не гнѣвайте жь Царя и бойтесь Бога,

Цалуйте крестъ законному владыкѣ;

Смиритесь; немедленно пошлите

Къ Димитрію во станъ Митрополита,

Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,

Да бьютъ челомъ отцу и Государю.

(Сходитъ. Шумъ народный.)

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.

Да здравствуетъ Димитрій нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНѢ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка! *Р-р-р.*

НАРОДЪ (*несется толпою*).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Дмитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

**КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА
У КРЫЛЬЦА.**

ТЕОДОРЪ, ПОДЪ ОКНОМЪ.

Нищій.

Дайте милостыню Христа ради!

СТРАЖА.

Поди прочь; не вѣдно говорить съ заключенными.

Теодоръ.

Поди, старикъ, и бѣдишь тебя: ты на волю.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну).

Одинъ изъ народа.

Братъ да сестра! бѣдныя дѣти, что пташки въ клеткѣ.

Другой.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНИЯ.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре
идутъ.

ТЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНИЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

*(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ
и Шереметевъ; за ними троє
стрѣльцовъ).*

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводитъ къ присягѣ Теодора Году-
нова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домъ шумъ!
Тревога! дерутся!

НАРОДЪ.

Слышишь? виагъ! это женской голосъ . . . Взо-

день! Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается.

*(Отворяются двери. Мосальскій
является на крыльцѣ).*

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. *(Народъ въ ужасѣ молчитъ)*. Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Дмитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ безмолвствуетъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,

Его жъ никто не преступаетъ.

Вся тварь разумная скучаетъ:

Иной отъ дѣни, тотъ отъ дѣль;

Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;

Тотъ насладиться не успѣлъ,

Тотъ насладился черезвѣру,

И всякъ зѣваетъ да живетъ —

И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.

Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
Разсѣяться.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомѣ запиши:

Fastidium est quies — скука

Отдохновеніе души.

Я психологъ . . . о вотъ наука! . . .

Скажи, когда ты не скучалъ?

Подумай, поизи. Тогда ли,

Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,

А розги умъ твой возбуждали?

Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ

Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ

Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?

Тогда ль, какъ погрузился ты

Въ великодушныя мечты,

Въ пучину темную науки?

Но, помнитса, тогда со скуки,

Какъ арлекина, изъ огня

Ты вызвалъ наконецъ меня.

Я мелкимъ бѣсомъ навивался,

Развеселить тебя старался,

Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
И что же? все попустыкамъ.
Желалъ ты славы — и добился,
Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ;
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ.
А слава . . . лучъ ея случайной
Неуловимъ. Мѣрская честь
Безмысленна, какъ сонъ . . . Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ . . .

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать?
Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
Гдѣ сладко-звонкія струи —
Тамъ, на груди ея прелестной

Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ . . . .

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услуживымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты?
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Какъ вы вдвоемъ — все помню я.
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ уноеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори: Ну, что?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
И грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она . . .
Чтожь грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной? . . .
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Развратъ косится бояливо . . .
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье . . .

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

МЕФИСТОФИЛЬ.

Иаволь. Задай лишь мнѣ задачу:
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя

Не смѣю отлучаться я:

Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣзѣтъ? говори.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Корабль Испанскій трехмачтовый,

Пристать въ Голландію готовый:

На немъ мерзавцевъ сотни три,

Двѣ обезьяны, бочки злата,

Да грузъ богатый шоколата . . .

. . . . .

ФАУСТЪ.

Все утопить.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сейчасъ. (*Исчезаетъ.*)

ШИРЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

*(Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ
мужинъ и женщинъ.)*

Молодой чловѣкъ.

Почтенный предсѣдатель! я напомню
О чловѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостя наша, насылаеть
На самыя блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохоть славилъ
Его рассказы; не возможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоять пустыя, будто ожидая

Весельчака; но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища . . .
 Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахъ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины нѣтъ печалиться. И такъ
 Я предлагаю выпить въ его память
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будто бѣ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!

(*Всѣ пьютъ молча.*)

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
 Родимыхъ пѣсень съ дѣкимъ совершенствомъ;
 Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
 Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
 Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
 Былъ отлученъ какими нибудь видѣньемъ.

МЕРИ (*поетъ.*)

Было время, процвѣтала
 Въ мирѣ наша сторона:
 Въ воскресеніе бывала

Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива празднo перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустьветъ, не молчитъ.

Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стenanія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ!
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ;
Ты, кого я такъ любила,

Чья любовь отрада мнѣ,
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Джени ты своей;
Усть умершихъ не касайся;
Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,
Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Джени даже въ небесахъ!

ПРЕДСЪДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!
Въ дни прежніе чума такая жъ, видно,
Холмы и доли ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стenanья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,

Унылой и пріятной . . . Нѣтъ! ничто,
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

МЕРИ.

О, если бь никогда я не пѣвала
Видѣ жизни родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себѣ я, кажется, внимаю
Поющей у родимаго порога.
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности . . .

ЛУИЗА.

Не въ модѣ

Теперь такія пѣсни! Но все жь есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ; а если бь тоже
О сивхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все бь улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ Шотландскихъ этихъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

*(Ѣдетъ телега, наполненная жертвыми тѣлами.
Негръ управляетъ ею.)*

Ага! Луиза дурно; въ ней, я думалъ,
 По языку судя, мужское сердце.
 Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
 И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми томимой!
 Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
 Прилягъ на грудь мою.

Луиза (*приходя съ тувство.*)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
 Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней
 Лежали мертвые — и лепетали
 Ужасную, невѣдомую рѣчь...
 Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
 Проѣхала ль телега?

Молодой человекъ.

Ну, Луиза,

Развеселись: хоть улица вся наша
 Безмолвное убѣжище отъ смерти,
 Пріютъ широкъ ничѣмъ невозмутимыхъ,
 Но знаешь? эта черная телега
 Имѣетъ право всюду разѣзжать —
 Мы пропускать ее должны! Послушай
 Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
 И сѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
 Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню,

Не грустю Шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСЪДАТЕЛЬ.

Такой не знаю; но спю вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная наша охота къ рифмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охрипый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСЪДАТЕЛЬ (поеть.)

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещать камни,
И весель зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой;
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой . . .
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы змы,
 Запремся также отъ Чумы!
 Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
 Утошимъ весело умы
 И, заваривъ ширы да балы,
 Возславимъ царствіе Чумы.

Есть упоеніе въ бою,
 И бездны мрачной на краю,
 И въ разъяренномъ океанѣ
 Средь грозныхъ волнъ и бурной тмы,
 И въ Аравійскомъ ураганѣ,
 И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозитъ,
 Для сердца смертнаго таитъ
 Незъясны наслажденья —
 Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
 И счастливъ тотъ, кто средь волненья
 Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
 Намъ не страшна могилы тма,
 Насъ не смутитъ твое призванье!
 Бокалы пѣнимъ дружно мы,
 И дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
 Быть можетъ — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

СВЯЩЕННИКЪ.

Безбожный пирь, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ бы я, что пылче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Онъ мастерски объ адѣ говоритъ;
Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

СВЯЩЕННИКЪ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пирь чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныхъ души.
Ступайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСЪДАТЕЛЬ.

Дома

У насъ печальны: юность любить радость.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Вальсингамъ? ты ль самый тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣняхъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына
Въ пиру рааврата, слыша голосъ твой,
Поющій бѣшенныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

ПРЕДСЪДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня Господь)
Погибшаго, но милаго созданья...

Тынь матери не вызоветъ меня
Отсель; поздно слышу голосъ твой,
Меня зовущій; признаю усилья
Меня спасти . . . старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклять будь, кто за тобой поидеть!

Многіе.

Bravo, bravo! достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

Предсѣдатель (*встаетъ.*)

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увидшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бь отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ . . .
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не достигнетъ уже . . .

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:

Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

Священникъ.

Пойдемъ, пойдемъ . . .

ПРЕДСЪДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!

Прости, мой сынъ. (*Уходитъ. Пирь продолжается.
Предсѣдатель остается, погру-
женный въ глубокую задумчи-
вость.*)

МОЦАРТЪ И САЛЪЕРИ.

МОЦАРТЬ И С . . .

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Комната.)

САЛБЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовью къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался, слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ, первый шагъ

И скучень первый путь. Преодоляль
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъяль, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два-три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣль,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали.
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны),
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
И встрѣчавымъ посланъ въ сторону иную?
Услыннымъ, напряженнымъ постоянствомъ

Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
О, никогда! — ниже, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Ниже, когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудъ завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто! . . . А нынѣ, самъ скажу, я нынѣ
Завистникъ. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда бессмертный гений — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озареть голову безумца,
Гуляки празднаго? . . . О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ.)

МОЦАРТЬ.

Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя неожиданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь! — Давно ль?

МОЦАРТЬ.

Сейчасъ. Я шель къ тебѣ,
Несь кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшше отроду ты ничего
Не слыхивалъ... Слѣпой скрывать въ трактирѣ
Разыгрывалъ voi che sarete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что вибудь!

*(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана;
Моцартъ хохочетъ.)*

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

МОЦАРТЬ.

Ахъ, Сальери!

Уже ль и самъ ты не смѣешься?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Амгьери.
Пошелъ, старикъ.

МОЦАРТЬ.

Постой же: вотъ тебѣ;
Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,
Не вдухъ нынче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесешь?

МОЦАРТЬ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

МОЦАРТЬ (за фортепiano).

Представь себя... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленного — не слишкомъ, а слегка —
Съ красоткой, или съ другомъ — хоть съ тобой —
Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незапный мракъ или что нибудь такое...
Ну, слушай же.

(Играетъ.)

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ

И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпаго! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

МОЦАРТЬ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!

Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
И знаю, я,

МОЦАРТЬ.

Ба! право? можетъ быть...

Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотаго Льва.

МОЦАРТЬ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дождалась.

(Уходитъ.)

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри жъ.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ;
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осмынадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ

Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шепоть искушенья
Не преклонился я, хотъ я не трусь,
Хотъ обиду чувствую глубоко,
Хотъ мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня;
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайдень сотворитъ
Великое — и наслажуся имъ . . .
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ;
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайдень
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь — пора! Завѣтный даръ любви
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Особая комната въ трактиръ; фортепiano).

МОЦАРТЬ и САЛЬЕРИ *(за столомъ.)*

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня насмуренъ?

МОЦАРТЬ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроены?

Обѣдъ хорошій, славное вино,

А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЬ.

Признаться,

Мой Requiem меня тревожитъ,

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЬ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЬ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отъ чего — не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? На завтра тотъ же
Зашелъ, и не засталъ ошть меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заикалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сълъ я тотчасъ
И сталъ писать — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было бѣ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный челоуѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самтретей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! что за страхъ ребячій?
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро.»

МОЦАРТЬ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я счастливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЪ.

Онъ же геній
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновой гармоніи.

(Пьетъ.)

САЛЬЕРИ.

Постой,
Постой, постой! . . . Ты выпилъ! . . . безъ меня?

МОЦАРТЪ *(бросаетъ салфетку на столъ.)*
Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. *(Играетъ.)*

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,

Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
 Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
 Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
 Еще наполнить звуками мнѣ душу...

МОЦАРТЬ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
 Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бѣ не могъ
 И мѣръ существовать; никто бѣ не сталъ
 Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
 Всѣ предались бы вольному искусству.
 Насъ мало избранныхъ, счастливыхъ праздныхъ,
 Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
 Единаго прекраснаго жрецовъ.
 Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
 Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
 Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.

(Одинъ)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ! Но уже ль онъ правъ,
 И я не гений? Гений и злодѣйство
 Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
 А Бонаротти? Или это сказка
 Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
 Убийцею создатель Ватикана?

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(ИЗЪ ЧЕНСТОНОВОЙ ТРАГИ-КОМЕДИИ «*The covetous Knight.*»)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(*Въ башнѣ.*)

АЛЬБЕРЪ и ИВАНЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Во что бы то ни стало, на турниръ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.

(*Иванъ подаетъ ему шлемъ.*)

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый Графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ-ли
Оправился.

АЛЬВЕРЪ.

А все жъ онъ не въ убытокъ;
Его нагрудникъ цѣль Венеціанскій,
А грудь своя: гроша ему не стоитъ;
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ-же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласъ
Да бархатъ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой прищорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго нажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лице, невольно закричала
И славил Герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!

Взбѣсился я за поврежденный племь;
 Геройству что виною было? — скупость —
 Да! заразиться здѣсь не трудно ею
 Подъ кровлею одной съ моимъ отцемъ.
 Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хрошаеть.

Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРЪ.

Ну дѣлать нечего: куплю гнѣдаго.

Недорого и просить за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что-жъ говоритъ бездѣльникъ Саломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ

Взаимы давать вамъ денегъ безъ закладу.

АЛЬБЕРЪ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволь!

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что-жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жметъся.

АЛЬБЕРЪ.

Да ты бѣ ему скажешь, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль
Всею наследую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что-жъ?

ИВАНЪ.

Жметса да крхтитъ.

АЛЬБЕРЪ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его. (*Стучать въ дверь.*)
Кто тамъ? (*Входитъ жидъ.*)

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЪ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Саломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь вдолгъ.

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ: радъ бы . . . право не могу.
Гдѣ денегъ взять? весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать . . . .

Альберъ.

Разбойникъ!

Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ-ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Саломонъ;
Давай червонцы. Высыли мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидъ.

Клянусь вамъ . . . .

Альберъ.

Полно, полно.

Ты требуешь закладу? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? свиную кожу?

Когда бъ и могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ.

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значить.
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отобреть.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ.

Уже ль отецъ меня переживетъ?

Жидъ.

Какъ знать? дни наши сочтены не нами;
Цвѣлъ юноша вѣчоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ.

Ты врешь, Еврей: да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Начто мнѣ пригодятся?

Жидъ.

Деньги? — деньги

Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда — сюда.
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ,
И бережетъ ихъ какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ,
И какъ же служить? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной. Въ негощенной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наследство.

Альберъ.

Амен!

Жидъ.

А можно бѣ . . . .

Альберъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство

Такое есть . . . .

Альберъ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, аптекаръ бѣдный . . . .

Альберъ.

Ростовщикъ

Такой-же какъ и ты, нль почестиѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рьцарь, Товѣй торгъ ведетъ мной:
Онъ составляетъ капли . . . право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подлить . . . . трехъ капель будетъ
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человекъ безъ рѣзи въ животѣ
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ.

Жидъ.

Да —

И ядомъ.

Альберъ.

Что жъ? займы намѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стьянокъ двѣсти яду
За стьянку по червонцу. Такъ-ли, что ли?

Жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ. . . . быть можетъ вы . . . и думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну . . .
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ! . . .
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй! что я тебя сей часъ-же.
На воротахъ повѣшу.

Жидъ.

Виновать!

Простите: я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку.

Жидъ.

Я . . . я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песъ! (Жидъ уходитъ).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ

Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина,
Я весь дрожу... Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны. Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу. Я плѣту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Иуду этаго... Иль нѣтъ, постой,
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ серебрянки пращура его....
Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ вина

Ни капли нѣтъ.

АЛЬБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

ИВАНЪ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

АЛЬБЕРЪ.

Да, помню, знаю....

Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рождениую въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Подвалъ.)

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль душой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но понѣмногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что Царь однажды войнамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и Царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И доль, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося

Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно,
Что не подвластно мнѣ? какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и бессонный трудъ
Смирренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей чуждой воли.
Мнѣ все послушно, и же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья. . . . . (смотритъ на свое золото.)

Кажется немного,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный. . . вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ

Она стояла на колыняхъ воя.

Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,

Притворщица не трогалась; я могъ бы

Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,

Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,

И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.

А этоть? этоть мнѣ принеси Тибо —

Гдѣ было взять ему лѣвивцу, плуту?

Укралъ конечно, или, можетъ быть,

Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ роуцѣ . . .

Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,

Пролитые за все, что здѣсь хранится,

Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,

То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бѣ

Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ.)

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ

Мой отпереть, владаю въ жаръ и трепеть.

Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?

При мнѣ мой мечъ, за злато отвѣчаетъ

Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ

Какое-то невѣдомое чувство . . . .

Насъ увѣряютъ медики: есть люди,

Въ убійствѣ находящіе пріятность.

Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже

Я чувствую, что чувствовать должны

Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно

И страшно вмѣствъ. (*Отпираетъ сундукъ.*)

Вотъ мое блаженство!

(*Всыпаетъ деньги.*)

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,

Служа страстямъ и нуждамъ челоуѣка.

Усните здѣсь сномъ силы и покоя,

Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ. — — —

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:

Зажгу свѣту предъ каждымъ сундукомъ,

И всѣ ихъ отопру, и стану самъ

Средь нихъ глядѣть на блестящія груди.

(*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.*)

Я царствую! — — — Какой волшебный блескъ!

Послушна мнѣ, сильна моя держава;

Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!

Я царствую — — — но кто вослѣдъ за мной

Приметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!

Безумецъ, расточитель молодой!

Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!

Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда

Подъ эти мирные, нѣмые своды

Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.

Укравъ ключи у трупа моего,

Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ

И потекутъ сокровища мои

Въ атласные, дыравые карманы.

Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ —
Онъ расточитъ . . . . А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груды загребаеть?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей бессонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Слущаются и мертвыхъ высылаютъ? — — —
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотришь, станеть-ли несчастный
То расточать, что кровью прибрѣлъ.
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! о, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить какъ нынѣ! — —

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, Государь, терпѣль я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услышали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинить
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало . . .
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ
Какъ будто колоколомъ. — (Смотритъ въ окно.)

Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ, онъ, Государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите-жь

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ.)

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрѣе и здоровѣе.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, Баронъ, давно расстались мы.

Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, Государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый. — Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупцы передъ этимъ мальчѣмъ . . . .
Предъ вами, то есть . . . .

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворъ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, крихтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сидеть.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —

Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Нехорошо

Ему дичится. Мы тотчасъ приучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье — — —
Вы хмуритесь, устали вы съ дороги,
Быть можетъ.

Баронъ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бѣ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ . . . .

Герцогъ.

Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его; онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это . . . .

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жь?

БАРОНЪ.

Увольте старика . . .

ГЕРЦОГЪ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я

Сердитъ.

ГЕРЦОГЪ.

За что?

БАРОНЪ.

За алое преступленіе.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

БАРОНЪ.

Увольте, Герцогъ . . .

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно,

Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.

Да . . . . стыдно . . . .

ГЕРЦОГЪ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.

Онъ . . . . онъ меня

Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! такъ я суду
Его предашь, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня . . . .

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЪ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

АЛЬБЕРЪ.

Баронъ, вы лжете.

ГЕРЦОГЪ *(сыну)*.

Какъ смѣли вы? . . .

БАРОНЪ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣль! . . .

Ты могъ отцу такое слово молвить! . . .

Я лгу и передъ нашимъ Государемъ! . . .

Мнѣ, мнѣ . . . . нѣ ужъ не рыцарь я.

АЛЬБЕРЪ.

Вы лжець.

БАРОНЪ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!

Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!

(Бросаетъ перчатку, сынъ поспышно ее подымаетъ.)

АЛЬБЕРЪ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

ГЕРЦОГЪ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?

Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!

Въ какіе дни надѣлъ я на себя

Цѣль Герцоговъ! Молчите: ты, безумецъ,

И ты, тигренокъ! полно. *(сыну)* Бросьте это;

Отдайте мнѣ перчатку эту *(отнимаетъ ее.)*

АЛЬБЕРЪ. *(а parte)*

Жаль.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ и впился въ нее когтями! — извергъ!

Подите: на глаза мои не смѣйте

Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ

Не призову васъ. *(Альберъ выходитъ).*

Вы, старикъ несчастный.

Не стыдно ль вамъ . . . .

БАРОНЪ.

Простите, Государь . . . .

Стоять я не могу . . . . мой колѣна

Слабѣють . . . . душно! . . . душно! . . . Гдѣ ключи?

Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!

Ужасный вѣкъ; ужасныя сердца!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

—

	<i>Стр.</i>
Евгеній Онегинъ	1
Борисъ Годуновъ	255

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ:

Сцена изъ Фауста	377
Циръ во время чумы	385
Моцартъ и Сальери	399
Скупой Рыцарь	415

